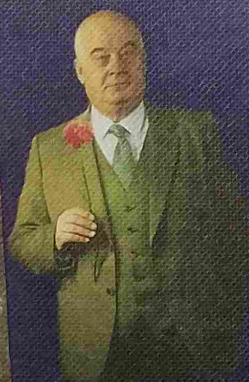
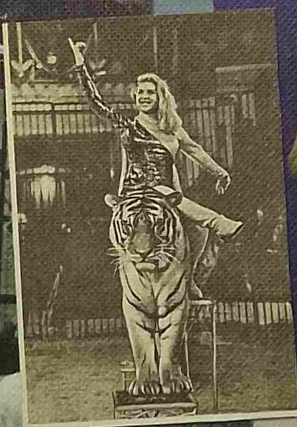
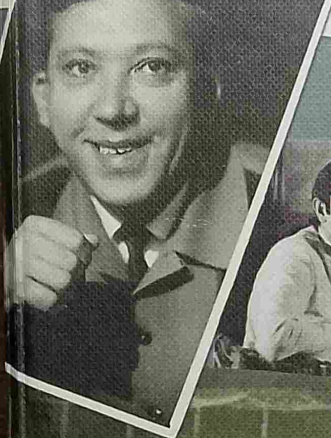

Леоид КУКСО

Молодые ⇌ мои москвичи

Леоид КУКСО

Молодые
⇌ мои
москвичи

Москва
ОАО «Московские учебники»
2006

Вх 30819 +

Чтобы стала ясна
Вам сюжетов интрига,
Назову имена
Тех, о ком эта книга.

Александров Г. В.
Александров Д. Г.
Арагон Л.
Ардов В. Е.
Арлазоров Я.
Арнольд (Барский) А.
Афанасьев Л. В.
Ахматова А. А.
Белокуров А. В.
Блантер М.
Берия Л. П.
Бахнов В.
Богословский Н. Б.,
Бондарчук С. Ф.
Берман К. А.
Берсенов И.
Волосюк В. Д.
Бирман С.
Брохес М. Б.
Булгакова М. Г.
Вертинский А. Н.
Водопьянов М. В.
Волжанин М. Я.
Волчек Г.
Волконский А.
Гагарин Ю. А.
Григорович А.
Дуров В. Г.
Збарский Л.
Зощенко М. М.
Изаксон В. Б.
Изаксон Г.
Ильющин В. С.
Кадников Г. К.

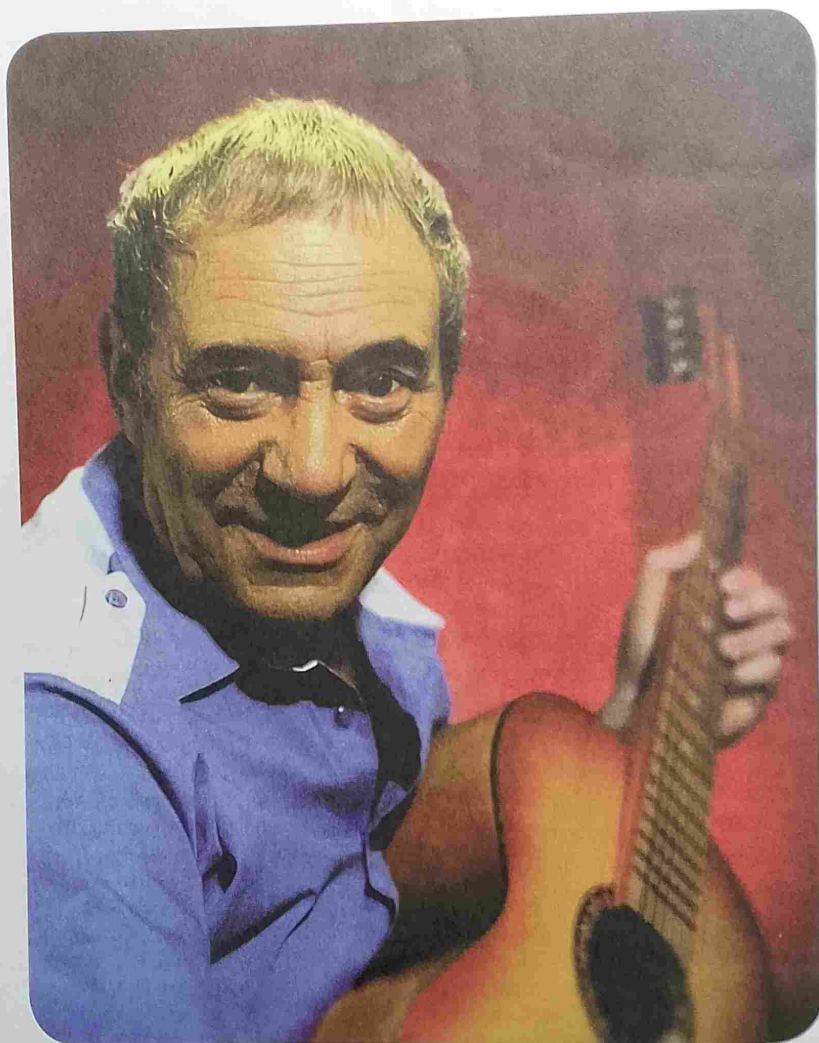
Кац С. А.
Комаровский А.
Конников А. И.
Костко Э. В.
Костюковский Я. А.
Краморов С.
Краснопольский В.
Кузин И. Ф.
Куксо Л. Г.
Ларионов В. Д.
Либерман М. С.
Леонов А. А.
Логинов Е. Ф.
Маклярский М.
Макогонова Р. И.
Маяковский В. В.
Местечкин М. С.
Микоян А. И.
Миллер А.
Мингошедилов А. Т.
Монтаи Ив
Морус Д.
Московская Л.
Моргунов Е. А.
Молотов В. М.
Моргулян С.
Мурзаева И. В.
Назарова М.
Немцов Б. Е.
Нетто И.
Никулин Ю. В.
Никулина Т. Н.
Окуджава Б. Ш.
Орлова Л. П.

Покрасс Дм. Я.
Покрасс Д. Я.
Фельдмаршал Паулюс Ф.
Пауэрс Ф.
Рихтер С.
Риббентроп И.
Рознер Э. И.
Рокоссовский К. К.
Румянцев (Карандаш) М. Н.
Румянцева Н. В.
Саунин В. Н.
Светлани Г.
Сичкин Б.
Сафронов А. В.
Соловьев-Седой В. П.
Сталин И. В.
Старостин А. П.
Стриженов О. А.
Соколовский С. Г.
Таривердиев М.
Тимошенко К. С.
Терлецкий В. В.
Утесов Л. О.
Усков В. И.
Хрущев Н. С.
Чуйков В. И.
Чуйкова Н. В.
Шульженко К. И.
Щедрин Р.
Эйзенштейн С. М.
Яковлева О.
Шукшин В. М.
и другие.

Леонид Куксо «Молодые мои Москвичи»

4

стр

По времени скользя,
Припомню на досуге
Вас, милые друзья
И сладкие подруги...

ОТ

Обычно автор подзаголовка ний лился
ты вне хронологиче
ми, прозаическими
тического, а порой, к
Так что книгу м
А можно и вообще
деть, от нечего делат
рых мелодий, котор
и у вас душа запоет?

Итак, с Богом —

ОТ АВТОРА

Обычно авторы мемуаров делят их на тома, главы, заголовки, подзаголовки... У меня так не получилось — поток воспоминаний лился сам по себе, и отдельные биографические фрагменты вне хронологической последовательности формировались новеллами, прозаическими и стихотворными эпизодами комического, анекдотического, а порой, как и сама жизнь, трагического свойства...

Так что книгу можно читать с середины, с начала и даже с конца. А можно и вообще не читать, просто полистать из любопытства, поглядеть, от нечего делать, на фотоснимки, рисунки и нотные строчки нехитрых мелодий, которые возникли у автора вместе со стихами. Может, и у вас душа запоет?

Итак, с Богом — по жизненным дорогам!

Заслуженный деятель искусств России,
Почетный член Российской академии
циркового искусства (...лет тому назад).
До того, как написал либретто девяти
музыкальных комедий, двухсот клоунад и реприз
и более ста песен.

Леонид Куксо «Молодые мои Москвичи»

6 Е

Порою, в создание рассказа
Трудней всего — первая фраза...

От автора

7

*И вот, отыскалось — готово,
Найдено первое слово!*

*Волшебство свое докажет
И в согласье с головой
Сто историй Вам расскажет
Карандаш мой цирковой.*

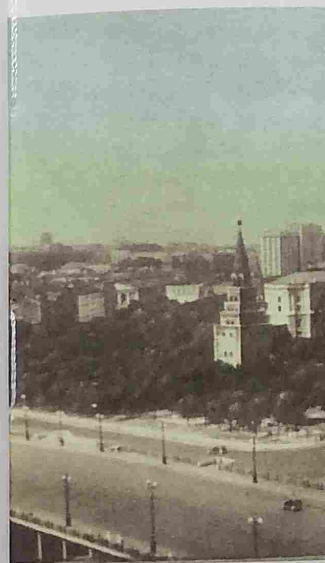
ВСТУПЛЕНИЕ

Если не я, никто бы вам не рассказал о друзьях моей юности — молодых и красивых, остроумных и задорных, полных надежд и мечтаний... А потому, чуть изменив строчку утесовской песни, я назвал эту книгу «Молодые мои москвичи». Они, честное слово, стоят этого! В ней отдельные рассказы и новеллы составляют единую картину минувшего времени со светлыми и мрачными, печальными и радостными событиями, свидетелем и участником которых мне довелось быть. Рассказать обо всем этом мне помогут рисунки и уникальные фотографии, стихи, песни, репризы и анекдоты. А как же? — смех делу не помеха. Утверждаю это как бывший цирковой клоун, каким меня в свое время изобразил Юрий Никулин.

Говорят — похож. Словом, будем считать — знакомство состоялось. Когда-то легендарный дядя Гиляй писал о Москве и москвичах своего времени, а я — своего.

О Москве с дровяным отоплением, шипящими кухонными примусами и керосинками шумных коммунальных квартир, с булыжными мостовыми, ломовыми лошадьми и даже — с двухэтажным троллейбусом! С первыми асфальтовыми тротуарами. Но главное — хотелось рассказать о людях, с которыми свела меня судьба, известных не только мне, но и всему миру! А также об известных лишь своей семье и соседям, дворнику, участковому да тюремной охране... О тех, без кого Москва не была бы Москвой!

И как бы стреми
и вновь возникают
и нежных подруг... Р
тому вы вечно в сер
тому — эта книга.

Нам не дано выбир
Однако выбрать н
В наших силах.

Избрав эпиграфо
дни мудреца, надеюс

КСТАТИ...

Расска
Донел
Привы
Словес
Надею
И вот

И как бы стремительно ни летело время, на экране памяти вновь и вновь возникают живые лица моих близких и родных, веселых друзей и нежных подруг... Разве можно их забыть! Их забыть — забыть себя. А потому вы вечно в сердце моем — молодые мои москвичи. Доказательством тому — эта книга.

*Нам не дано выбирать место и время своего рождения,
Однако выбрать наиболее достойный жизненный путь
В наших силах.*

Диноел Осук

Избрав эпиграфом к своей книге этот афоризм малоизвестного в наши дни мудреца, надеюсь подтвердить книгой его несомненную правоту.

Л.К.

КСТАТИ...

*Рассказчик, порой прерывая рассказ,
Дополнит его в результате,
Привычно вставляя в рассказ, между фраз,
Словечко короткое — «кстати»...
Надеюсь, согласье на то получу.
И вот о чем, кстати, сказать я хочу...*

КАК ЭТА КНИГА ПОЯВИЛАСЬ

Для того чтобы появилась эта книга, надо было, чтоб на свет Божий, прежде всего, появился ее будущий автор. А для его появления надо было, чтобы молодая работница ламповой фабрики, студентка химфака, произвела его на свет Божий в любовном соавторстве со своим преподавателем — горным инженером, который был мне отцом, а в общении — всего лишь дядей Жорой. Папой же я с гордостью называл Василия Даниловича Волосюка — верного мамино фабричного друга, ставшего впоследствии известным полярным летчиком. А все это произошло оттого, что моя будущая мама застала моего будущего папу в постели со своей лучшей подругой! И это — на седьмом месяце беременности! И как влюбленный преподаватель ни вымаливал у своей студентки прощения — она была непреклонна; отказалась от регистрации брака и без колебаний согласилась стать женой обожавшего ее Васеньки, как любовно называла его вся многочисленная мамина родня. Я же в детстве никак не мог понять, почему у меня в метриках и школьных документах было отчество не Васильевич, а Георгиевич. Мама объясняла, что это по недосмотру роддомовской регистраторши, что эту ошибку исправят. А став учеником третьего класса, я был ошеломлен, заглянув в принесенный соседями незапечатанный конверт. Я-то думал, что это долгожданное письмо от папы с Севера.

Но в письме сообщалось, что алименты на сына Леонида от инженера Георгия Левиатова бухгалтерия горного комбината перечислила вовремя. Я уже знал от мальчишек, что меня не купили в магазине, не нашли в капуте и не аист меня принес. От них я и узнал, что означает странное слово «алименты». Вернувшись с работы и обнаружив распечатанный конверт, мама, придя в крайнее замешательство, допытывалась, не читал ли я письма. И я, задыхаясь от волнения, соврал: «Нет, не читал». По прошествии многих лет я признался маме, что прочел тогда письмо об алиментах... Ее ответом был тяжкий вздох...

ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА

Первым поразившим меня в раннем детстве впечатлением было огромное странное здание с куполами, увенчанными сверкавшими на солнце крестами. Это, как узналось позднее, был стоявший по соседству с нашим домом Богоявленский собор.

Вторым удивлением было детское коричнево-бежевое одеяльце в клеточку. Удивляло то, что клетки были поочередно то светлые, то темные,

и в каждой клеточке в темной — светлый, понимая, зачем рядом клеточке темный кружок. Не понимаю до сих пор.

Третье, чему я удивлялся во дворе, мигом перелета. Одни, глядя в небо, кричали: «Эристань!». А другие, давая тебе гуши, говорили: «Делай, как вольно ассоциируется с милицией. До чего же детворой, когда их спускали, надрываясь, кричали: «Дождик, дождик!».

Все словно в «Поллиушке» — два лилипутских корабля с тупого конца, друг от друга. Мне в детстве эту сказку рассказывала мама на месте Гулливера их рассказывала. Товарищи лилипуты». Дедушка был с

КСТАТИ...

Когда п...
дальше...
дал пап...
дальше...
Полярн...
«С так...

КРЕ...

Мне было года полтора, когда читала мою няню Васю. — Ох, как мене нонче. — Перед каким батюшкой. — Перед главным. — Крестить?! — Мама, скажи, какого набора. (Был такой набор). Не то — с крестом. Но Васена стояла на коленях. — Коли отец прав...

и в каждой клеточке по кружочку: в светлой клетке темный кружочек, в темной — светлый. Я подолгу разглядывал этот загадочный ребус, не понимая, зачем рядом с темной клеточкой светлая, и почему в светлой клеточке темный кружочек, а в темной — светлый. Что это означало? Не понимаю до сих пор.

Третье, чему я удивлялся в три-четыре года: дети, что мирно играли во дворе, мигом перессорились, когда посыпались первые капли дождя. Одни, глядя в небо, кричали: «Дождик, дождик, перестань, я поеду в Эристань!». А другие, отталкивая первых, орали: «Дождик, дождик, пуще, дам тебе гущи!». Дело дошло до потасовки и даже драки, что теперь невольно ассоциируется с думскими дебатами и схватками демонстрантов с милицией. До чего же взрослые, умные с виду дяди схожи с несмысленной детворой, когда их споры доходят порой до глобальных конфликтов! Когда одни, надрываясь, кричат нечто похожее на: «Дождик, дождик, перестань!», а другие — «Дождик, дождик, пуще!».

Все словно в «Путешествии Гулливера» у Свифта, где враждуют два лилипутских королевства. Одно доказывает, что яйца надо колоть с тупого конца, другое, что надо колоть с острого. Когда дедушка прочел мне в детстве эту сказку, он сказал: «Нашли из-за чего ссориться. Я бы на месте Гулливера их сразу помирил». — «Как?» — спросил я. — «Я бы сказал: «Товарищи лилипуты, разбивайте яйца посередине и делайте яичницу». Дедушка был с юмором...

КСТАТИ...

Когда прозвучал призыв Сталина к авиаторам: «Летать дальше, быстрее и выше всех!», мой религиозный дедушка дал папе на Север такую радиограмму: «Васенька! Летай дальше, быстрее и выше всех, но не чепляй Бога за яйца». Полярники смеялись вовсю и, завидя папе, говорили: «С таким тестем не соскучишься».

КРЕЩЕНИЕ

Мне было года полтора, когда мама, придя с работы, услышала прочтения моей няни Васёны:

— Ох, как мене ноне ваш Лянид перед батюшкой осрамил...

— Перед каким батюшкой? — удивилась мама.

— Перед главным. Понесла я Лянида крестить...

— Крестить?! — Мама была ошарашена. Еще бы! Коммунистка Ленинского набора. (Был такой набор в год смерти вождя.) Не дошло бы до парторганизации. Не то — скандал!

Но Васена стояла на своем:

— Коли отец православный (развела у соседей), то и сына крестить

12

положено. Меня в детстве за десять верст крестить везли, а тут такой храм
напротив! Грех не крестить. Однако же, осрамил меня ваш Лянид перед
батюшкой. Да при народе.

— Как? — спросила мама.

— Сказал, что в купели вода «глязная».

Няня Васёна

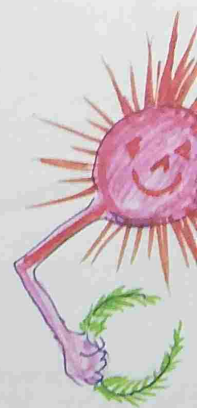
— Ну, да, — сказала мама, — дома-то купаем его в белой эмалированной ванночке.

— Вестимо, — сказала няня, — а тама купель — сера. Каменна.

И все же, несказанно благодарен я Васене за ту купель. Еще бы! Судите сами. Знакомлюсь в юности с биографией великого Пушкина и вдруг читаю — глазам не верю! — согласно церковной записи Богоявленского собора, в нем был крещен родившийся 26-го мая одна тысяча семьсот девяноста девятого года у майора Сергея Львовича Пушкина сын, нареченный Александром... Надо же! Выходит, меня крестили в том же самом храме, а, возможно, и в той же купели, где крестили Великого поэта! Было отчего возгордиться! Вышли, что называется, из одной купели! Спасибо

тебе, няня Васёна. Ой
сознательную жизнь
эпитафией:

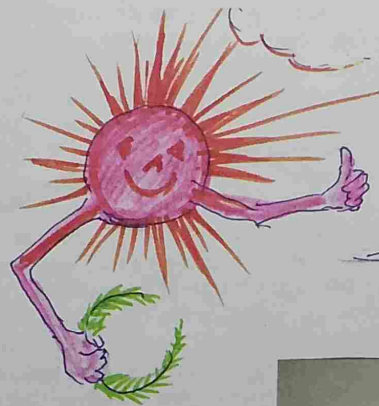
«С хандрой борясь,
На песенный вздох
И буду долго тем д
Что чувства добры

Елоховской купели си
в меня уверенность в

тебе, няня Васёна. Окропила святой водой. Вот, видать, почему меня всю сознательную жизнь бессознательно тянуло на пьедестал! С хмельной эпитафией:

«С хандрой борясь, в любую непогоду,
На песенный взбирался пьедестал.
И буду долго тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал». (шутка)

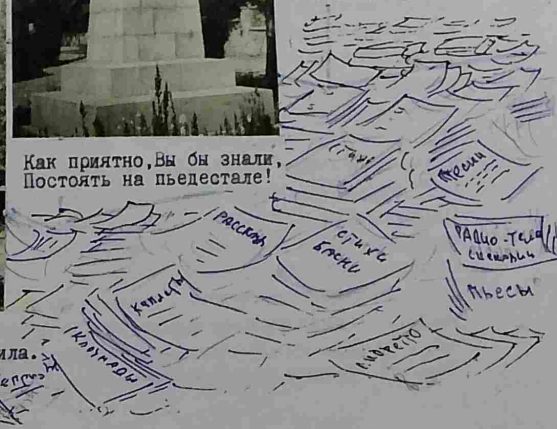
Но чуть-чуть недоглядишь,
Сверху кубарем слетишь...

Как приятно, Вы бы знали,
Постоять на пьедестале!

Елоховской купели сила
В меня уверенность вселила.

Трехэтажный дом, в котором мы жили, когда-то принадлежал княгине Анне Павловне, вернее, ее мужу, с которым (одобряя революционные изменения) она не пожелала ехать за границу. В итоге, ее в собственном доме уплотнили до того, что у княгини осталась лишь одна комната. Не огорчаясь этим, она по-прежнему старалась вести заведенный образ жизни, любила собирать у себя художников, поэтов, музыкантов. Полкомнаты занимал рояль, под которым я свободно разгуливал, не понимая, почему он на колесиках. В результате после одной из ее вечеринок в нашу комнату перекочевала от Анны Павловны подаренная ей известным художником картина морской бури с тонущим кораблем. Готовясь к приходу гостей, бывшая княгиня упростила мою маму взамен этой картины дать ей какие-то талоны с рабочей продуктовой карточки. И к приходу гостей у Анны Павловны на столе были печенье, сыр и даже конфетки.

Не горевала Анна Павловна даже тогда, когда ее телефон вынесли на стенку коридора. В общем, жили мирно, даже дружно, хоть социальный диапазон жильцов был довольно широк: от экс-княгини до здорового потомственного пролетария Ван Иваныча Шаманина (его жена тетя Варя была нам долгие годы как родная), далее маленькая юркая мадам Таллер с дочерьми Фирой и Мирой — совслужаками (Мира запомнилась маме тем, что гордо заявляла, грассируя: «У нас в канструкторском бюро такие все культурные, никто винегрет не ест»). В тесной комнатке бывшей ванной обитал их брат-комсомолец Самоня. Он вечно что-то изобретал, конструировал, стены были в агитплакатах. И как-то у меня с ним произошел важный разговор (я, к радости жильцов, свободно входил в любую комнату). Он тогда возился с велосипедным колесом. Я спросил: «А что ты делаешь?» Он (с юморком): «Строю социализм!» Я впервые тогда услышал это слово и решил, что это нечто большое, очень серьезное, и спросил: «Разве можно в такой маленькой комнатке построить социализм?» Самоня, словно ошпаренный, выскочил из комнаты и закричал на весь коридор: «Вы слышали, что сказал ребенок: «Разве можно в такой маленькой комнатке построить социализм?» Устами младенца, что? — глаголет истина!» (Тогда это понималось по-своему, в партии шли дебаты: можно ли построить социализм в одной отдельно взятой стране или надо дожидаться всемирной революции и только тогда строить всемирный социализм). Троцкисты были за всемирный социализм, сталинисты — за социализм в одной стране. Видимо, комсомолец Самоня был против Сталинской линии, кричал: «В маленькой комнате социализм не построить, нужна всемирная революция!» Однажды висевшая у него на стене велосипедная рама, сорвавшись, больно ударила Самоню по голове...

Больше других (когда все уходило по делам) я общался с его мамой мадам Таллер. Ее длинная тирада до сей поры звучит в моих ушах: «Сейчас возьму тряпку, вытру пол, пайду на рынок, куплю клукву, навару кисэл... Лонка! Ты будешь кушать кисэл?»

Этот ее монолог по-прежнему, был ли кисель, но в памяти музыкой до сих пор на рынок, куплю клукву...

Наша квартира находилась до самого потолка. Значит, этажей, где прежде жила кучера... Теперь эти этажи когда садом двор дом кустарник, а на заднем дворе ломовых лошадей.

До чего же нам, детям, и глядеть в ее большие глаза. Морда у лошадей, смачно шамкала челюк, бокам, отгоняя мух. И лесные оси. И в этом запахом сена и конского репышанная шедеврам.

И как же было радостно решать нам на его подходе трамвайный грохот, и блядь, куда поперла?»

В чем же разница между ребята постарше. И, конечно, кто перед нами играли в лошадей и и себе представить, чем дителей.

Вся наша многострадальная ангелочек Лелечка в действительной княгине блядь, куда поперла?! Затараторили, перебили революция! Самоня, Таллер выронила ведра, она, как я помню, сказала язычок, и он больше. Я согласился, не зная.

Как всегда, я верила, приходившая к одеколоном, положила иголку, велела высунуть, он плохие слова, как Я, естественно, взвыла. Больше язычок плох, ласился я, обливаясь и стараюсь не наруша

Этот ее монолог повторялся практически изо дня в день. Уж не помню, был ли кисель, но обещания были. И монолог ее до сей поры звучит в памяти музыкой детства: «Сейчас вазму трапку, витеру пол, пайду на рынок, куплю клукву...» ну и так далее!

Наша квартира находилась на втором этаже и была с окнами от пола до самого потолка. Значительно меньше были окна первого и третьего этажей, где прежде жила княжеская обслуга: дворники, прачки, повара, кучера... Теперь эти этажи были превращены в общежития, а бывший некогда садом двор дома окаймляли надломленные деревца и умирающий кустарник, а на заднем дворе вместо княжеской конюшни был теперь парк ломовых лошадей.

До чего же нам, детворе, было интересно подойти к лошади поближе и глядеть в ее большие выпуклые глаза. Казалось, в них я видел свое отражение. Морда у лошади утопала в холщовом мешке с овсом. Лошадь смачно шамкала челюстями, жуя сено, и хвостом то и дело била себя по бокам, отгоняя мух. Извозчики налаживали сбруи, смазывали дегтем колесные оси. И в этом лошадином царстве, пропитанном густым и острым запахом сена и конских «яблок», не умолкала мужицкая речь, обильно пересыпанная шедеврами извозничьего жаргона.

И как же было радостно нам, детворе, когда кто-то из извозчиков разрешал нам на его подводе проехаться до уличных ворот, когда, перекрывая трамвайный грохот, извозчик привычно объяснялся с кобылой: «Ну, старая блядь, куда поперла?» или «Чего уснул, разебай? Но! Но, пошел!» и т.п.

В чем же разница между лошадьёю и конем нам запросто объяснили ребята постарше. И, заглядывая под лошадиное брюхо, мы сразу понимали, кто перед нами, конь или лошадь. Вернувшись во двор, мы азартно играли в лошадей и извозчиков, пользуясь их терминологией. И можете себе представить, чем порадовали малолетки вернувшихся с работы родителей.

Вся наша многолюдная квартира была в ужасе, когда их обожаемый ангелочек Лелечка выдал перлы извозничьего жаргона! Что было с чувствительной княгиней Анной Павловной, когда я выдал: «Ну, старая блядь, куда поперла?!» Бывшая княгиня закрыла уши руками. Рита и Фира затараторили, перебивая друг друга: «Вот что наделала с ребенком ваша революция!» Самоня, фыркая от смеха, скрылся в своей конуре. Мадам Таллер выронила ведро с тряпкой. (Все это по маминым рассказам.) Сама она, как я помню, сказала: «Спокойно, товарищи, сейчас я проколю Лелечке язычок, и он больше никогда не будет говорить плохие слова, верно?» Я согласился, не зная, что меня ожидало.

Как всегда, я верил маме, а она тем временем взяла ватку, как это делала приходившая к нам медсестра, когда лечила меня, пропитала ватку одеколоном, положила на блюдце и подождала, в синем пламене прокалила иглолку, велела высунуть язык, что я послушно сделал. И сказав: «Больше он плохие слова, как извозчики, говорить не будет», она кольнула язык. Я, естественно, взвыл. «Ну вот, Лелик, — сказала мама. — Все хорошо. Больше язычок плохие слова говорить не будет?» — «Не будет», — согласился я, обливаясь слезами. До сей поры я помню этот мамин укол и стараюсь не нарушать данное ей обещание. Вот так-то, «бля»!..

МАМИНА ШЛЯПКА

В начале 30-х в Столешниковом переулке открылся новый шляпный магазин. Уважавшие себя москвички всех возрастов летели туда, как бабочки на свет. Еще бы! Модная шляпка — спутник женской красоты. И моя мама, всю юность пробегавшая в красной косынке, оказалась в числе первых покупателей.

В те годы стали прихорашиваться не только москвички, но и Москва. Сносились ветхие лачуги. На их месте вставали жилые кирпичные корпуса — вырастали непривычные глазу здания новомодной конструктивистской волны, из серого гранита и стекла — Центрального телеграфа, клуба Русакова и др. Расширилась и Тверская... На витрине музыкального магазина у булочной (бывшей Филиппова) даже разместился негритянский джаз!

Заводные музыканты, в человеческий рост, сверкая золотистыми инструментами, трижды в день собирали у витрины толпу москвичей. Давали джаз-банд-концерт — из двух рупоров из-под витрины неслась заграничная музыка: фокстроты, танго, румбы... Темнокожие музыканты сияли белозубыми улыбками, под черными жилетами белели сорочки, на шеях — цветные бабочки, на лакированных башмаках — кремовые гамашы с кнопками. Джазисты двигались в ритм музыки. Ударник отчаянно лупил по тарелкам и барабану!.. Было на что посмотреть! Но, как говорится, не долго музыка играла. Говорили, как-то мимо магазина проехал в темном лимузине товарищ Сталин и, возмущенный джазовым весельем угнетенных капиталистами чернокожих рабов, приказал немедленно убрать с витрины эту буржуазную пропаганду! И джаз умолк. Фигуры музыкантов с год еще недвижно простояли за стеклом, словно в затянувшейся игре в «замри»... Говорили, что заводной джаз принадлежал зарубежной фирме, рекламировавшей музыкальные инструменты, и она бросила все на произвол судьбы... Куда подевались заводные музыканты, одному богу известно...

Но вернемся к шляпному магазину, открытие которого не противоречило Генеральной линии партии. Магазин был открыт в канун Восьмого марта, как подарок Международному женскому дню! И хоть выбор был невелик, — мама все же купила подходящую. Но мы с папой были убеждены, что не шляпка красила маму, а наоборот!.. Не обошлось и без приключения, которое впоследствии стало поводом для детского стихотворения:

Вот на днях приключение было!
Мама новую шляпку купила.
Перед зеркалом с нею вертелась,
Даже спать допоздна не хотелось.
Папа грустно сказал: «Мрачновата,
Только денег излишня трата...»
Я решил, дело можно исправить,
Надо яркого цвета добавить...
Рано утрам я взял свои краски

Стала шляпка
Положил ее в ш
Думал я — мам
А она, как ее ув
Даже в обморок
Закричала, что

В общем, дело д
Подбежала со ш
Он вздохнул и с
А по-моему, оче
Мама крикнула
Занузырилась м
И отмылась он

Есть у нас для
Гуталин, на по
Щетки есть и
Это — бывшая

6180819

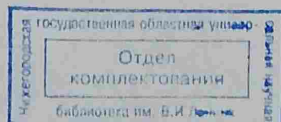
Стала шляпка красивой, как в сказке!
Положил ее в шкаф аккуратно,
Думал я — маме будет приятно...
А она, как ее увидела,
Даже в обморок чуть не упала,
Закричала, что шляпка пропала!

В общем, дело дошло до скандала,
Подбежала со шляпкою к папе,
Он вздохнул и сказал: «Дело в шляпе».
А по-моему, очень красиво.
Мама крикнула: «В таз ее, живо!»
Запущилась мыльная пена
И отмылась она постепенно...

Есть у нас для ботинок в прихожей
Гуталин, на повидло похожий,
Щетки есть и для обуви тряпка,
Это — бывшая мамина шляпка...

И мама, как
жена героя,
сказала мудрые
слова,
что шляпка —
дело наживное,
была б под
шляпой голова.

13x30819

ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ

В раннем детстве был у меня маленький дружок — вельветовый мишка с кожаным носиком и бусинками глаз. Когда вечером шумная компания полярников с их женами и подругами покидала наш дом, переселяясь к кому-то в гости, в театр или еще куда, мой маленький коричневый дружок был незаменим. Он возлежал рядом на подушке, деля со мной все обиды и радости.

Но однажды летом, при переезде за город, мой дружок бесследно исчез. Как ни искали — не нашли. А когда исчезает верный дружок, становится невыносимо горько. Тяжело было и мне, пятилетнему мальчишке, остаться без друга. Родители успокаивали, уверяя, что мишка ушел в лес к своим живым братишкам, и в доказательство показывали конфетную обертку медвежьей семьи в буреломе. «Вот твой мишка к ним и ушел». А чтоб окончательно меня успокоить, папа, отправляясь на очередную зимовку, пообещал привезти настоящего, живого, да к тому еще белого медвежонка!

С каким же нетерпением в каждой радиোগрамме с далекой Земли Франца Иосифа я ждал сообщения о пойманном белом медвежонке! И отец выполнил-таки данное обещание. В радиোগрамме в конце зимовки говорилось: «Крепко целую вас. До скорой встречи. А Ленечке везу живого белого медвежонка».

Не трудно понять, какой переполох вызвало это сообщение. Маме не терпелось увидеть папу, а мне — и папу и медвежонка. Было принято единогласное решение — встречать папу в Архангельске, куда прибывал ледокол «Таймыр» с полярниками на борту. Директор школы охотно дал первокласснику двухнедельные каникулы. Еще бы — его ученику везут с Дальнего Севера белого медвежонка. И вся школа смотрела на меня, как на сказочного счастливчика. И уже, трясясь на вагонной полке, я вновь и вновь представлял себя то одним из персонажей фильма о полярниках «Семеро смелых» с песней «Молодые капитаны поведут наш караван», то — Робертом из фильма «Дети капитана Гранта», и в ушах то и дело звенел его голосок: «А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер...».

По прибытии в Архангельск, мама, оставив меня в гостинице, помчалась к начальнику порта за разрешением отправиться на стоявший на рейде «Таймыр».

Странно было видеть стоявший на рейде среди Северной Двины ледокол, сознавая, что там томились, пребывая в карантине, полярники в ожидании схода на берег. Кроме нас с мамой, и других полярников родные ждали на берегу с нетерпением... И все же мама (мама — это мама!) добилась разрешения, и на завтра с утра на катере мы отправились на «Таймыр»! А широченная Северная Двина в непогоду — почти океан. Штормило. Но папе Васе радировали, что мы едем на ледокол. И когда наш катерок шел к «Таймыру», с борта нам уже махали и, конечно, среди этих людей был и наш папа. С ледокола спустили трап. На катере его поймали не сра-

зу. В непогоду расст...
Когда же трап пойм...
Роберт Грант, полес...
ка, песню нам проп...
другую... И тут ош...
меня подсаживал к...
вай, не робей! Моло...
бы побрал этого Ро...
с Яшей Сегелем, иг...
жая его отважному...
в киностудии, на ф...
хватили меня, и я о...
под одобрительны...
и моя героическая...
лица моряков и зип...
борт ледокола! Обр...
заметил: «Ну что, б...
увидать медвежонк...

«Любуйся, вот с...
к ошейникам медв...
был наш, другой пр...
лению, я увидел не...
в чем, медвежат. «К...
путовкой. Не бойся...

кок — вельветовый миш-
вечером шумная компа-
дала наш дом, переселяясь
енький коричневый дру-
шке, деля со мной все оби-

мой дружок бесследно ис-
ет верный дружок, стано-
пятiletнему мальчишке,
ая, что мишка ушел в лес
о показывали конфетную
ой мишка к ним и ушел».
тправляясь на очередную
ого, да к тому еще белого

ограмме с далекой Земли
анном белом медвежонке!
иограмме в конце зимовки
ечи. А Ленечке везу живого

но это сообщение. Маме не
медвежонка. Было принято
хангельске, куда прибывал
иректор школы охотно дал
е бы — его ученику везут
кола смотрела на меня, как
и вагонной полке, я вновь и
й фильма о полярниках «Се-
оведут наш караван», то —
и в ушах то и дело звенел его
ветер...».

в меня в гостинице, помча-
авиться на стоявший на рей-

среди Северной Двины ле-
ая в карантине, полярники
й, и других полярников род-
ке мама (мама — это мама!)
ере мы отправились на «Тай-
оду — почти океан. Шторми-
ледокол. И когда наш катерок
т, конечно, среди этих людей
На катере его поймали не сра-

зу. В непогоду расстояние между катером и кораблем то и дело менялось... Когда же трап поймали, я понял: вот они, те самые минуты, когда я, как Роберт Грант, полезу вверх, и в ушах уже звенели знакомые слова: «А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер...». Я поднялся на одну ступеньку, на другую... И тут ощутил, что ветер оказался очень невеселый... Но снизу меня подсаживал кто-то из матросов, сверху подбадривали: «Давай-давай, не робей! Молодец, Леняка!» Еще одна ступенька, другая, третья (черт бы побрал этого Роберта Гранта! Когда я через много лет познакомился с Яшей Сегелем, игравшим Роберта, и рассказал, как лез по трапу, подражая его отважному герою, он усмехнулся: «Я-то лез по трапу в павильоне, в киностудии, на фоне экрана с морем»). Но вот сверху сильные руки подхватили меня, и я оказался на широкой палубе корабля. Следом за мной под одобрительные крики всей команды на борт «Таймыра» поднялась и моя героическая мама. Ну, ясное дело — объятия, поцелуи, радостные лица моряков и зимовщиков. Не так-то часто подобные гости посещают борт ледокола! Обросший полярной бородкой папа оглядел меня и весело заметил: «Ну что, был по пояс мне — теперь по грудь! Не терпится, небось, увидеть медвежонка?» Не находя слов, я лишь кивнул.

«Любуйся, вот они». Раздался звон металлических цепей. Цепи шли к ошейникам медвежат. «Вот они, мишки-братишки». Один медвежонок был наш, другой предназначался папиному бортмеханику. К моему удивлению, я увидел не белых, а перепачканных в каком-то мазуте и невесть в чем, медвежат. «Какой из них наш?» — спросил я. «А тот, у которого нос пуговкой. Не бойся, не укусят», — сказал папа, обнимая медвежат.

«До чего же чумазные», — удивилась мама. «Ничего, отмоем, — сказал отец». Кто-то из моряков направил на медвежат струю из шланга. Мишки зафыркали, забегали, звеня цепями... Поднялся резкий ветер, и отец увел нас в свою каюту. Вскоре родители перепоручили меня помощнику капитана, который охотно вызвался показать мне весь корабль. На ветру у борта висела медвежья шкура. Материнский запах привлекал медвежат и они то и дело обнюхивали ее. Мой провожатый грустно заметил: «Прощание с матерью...»

Побывал я и у штурвала, и в капитанской рубке, и даже в машинном отделении, где все механизмы сверкали медным блеском. Наша экскурсия длилась не менее часа...

Такова уж мужская солидарность!..

Московский вокзальный митинг с оркестром и плакатом «Привет стахановцам Севера!», фото- и кинопортреты — все это словно не касалось отца. Он был весь в заботах о медвежонке. Надо было перевести его из то-варняка в полуторку и — на Козихинский, куда мы переселились с Елоховской. Мы же с мамой и родней ехали в новой «севморпутевской» легковушке «М1» — следом за полуторкой.

Грохот трамваев, автомобильные гудки, ржание ломовых лошадей и милицейские свистки испугали мишку. Он дрожал, уткнувшись мордой папе в колени. И успокоился лишь к вечеру в дровяном сарае в соседстве

с курами нашего двора. Множество фотографий и фонные звонки из детства.

Всех изумляла охота матери нашего медвежонка от отцовского выставления всех большой змеи. Выкормленный папой и спокойно прогуливающийся Участковый не без юмора спрашивал: «Ваша змея или как?» — «Как змея, посетите и нашу квартиру, медвежья шкура, еще бы и медвежий данного гостя, а он с нами».

Через месяц привезли в специальный отдел его. Казалось, мишка любимый сливочный с мишкой компенсацией. Запомнилось, сидел на корточках ирисом. На двух взрывах. Толпа народа.

Но вернемся к охоте в шумную каюту, мы посмотрели фильм и выучили песню:

с курами нашего дворника. Далее папины рассказы о зимовке с показом множества фотографий. И в калейдоскопе событий — постоянные телефонные звонки из редакций и полный дом знакомых и незнакомых людей.

Всех изумляла огромная шкура белого медведя, вернее, медведицы — матери нашего медвежонка, покрывшая весь диван, с пулевым отверстием от отцовского выстрела, в которое я гордо просовывал свой палец. Пугал всех большой зубастый череп медведицы, установленный на шкафу. Выкормленный папой соской с молоком медвежонок слушался только его и спокойно прогуливался с ним по двору — к восторгу и ужасу соседей. Участковый не без юмора спросил, глядя на медвежонка: «Будем прописывать или как?» — «Или как», — ответил в тон отец. Рад был медвежонок посетить и нашу квартиру, в которой больше всего его привлекала медвежья шкура, еще бы — материнский запах... Кошка, шипя, встречала невиданного гостя, а он от ее шипения — только мордой к папе на колени.

Через месяц пришлось мишку, к радости директора зоопарка, отправить в специальный открытый вольер. И мы с папой через день навещали его. Казалось, мишка узнавал отца, спешил на его голос и охотно уплетал любимый сливочный ирис из аварийного летного пайка. Печаль разлуки с мишкой компенсировал выданный нам на год семейный пропуск в зоопарк. Запомнилось, как отец в кожаном реглане и форменной фуражке сидел на корточках перед своим любимцем в медвежатнике, потчует его ирисом. На двух взрослых белых медведей отец не обращал никакого внимания. Толпа народа собиралась поглядеть на эту трогательную встречу.

Но вернемся к отцу и его друзьям-полярникам, превратившим наш дом в шумную кают-компанию. Мне не терпелось, чтоб отец с друзьями посмотрели фильм «Семеро смелых», который я видел неоднократно и выучил песню:

*«Лейся, песня, на просторе.
Не грусти, не плачь, жена.
Штурмовать в далеком море
Посылала нас страна».*

К большому моему удивлению, полярники вернулись из кино, посмеиваясь, словно смотрели не фильм о Севере, а комедию с Чарли Чаплиным. «Это ж не Север», — говорили они. «А что?» — изумился я.

«Это ж зимняя Москва-река. И не «штурмовать» в далеком море, а штормовать. Не от слова штурм, а от слова шторм. В море не штурмуют, а штормуют».

А как-то специальный вечер был посвящен дикторше радиостанции имени Коминтерна по фамилии Гольдина. Ее голос, вкрадчивый, запал в душу зимовщикам, слушавшим Большую Землю. И в кульминации застолья был момент, когда она самолично голосом Москвы с бокалом в руке произнесла: «Внимание, товарищи! Говорит Москва! Начинаем передачу для полярников». Ну, и далее, ее заздравный тост в честь Героев Севера. Надарили ей столько шоколада, молочного ириса и сгущенки, что еле донесли этот полярный подарок до машины дяди Миши Водопьянова. (Мой мудрый дедушка ввернул кстати: «Ушел один мишка (это он про моего белого медвежонка), пришел другой — с орденом Ленина».)

Вообще-то с дядей Мишей у меня случился казус. Обедали мы как-то в облюбованном полярниками ресторане «Арагви». До реконструкции улицы Горького он был напротив Центрального телеграфа на углу Мхатовского проезда. Во время обеда на вопрос Водопьянова «Кем хочешь стать?» я, конечно, ответил: «Полярным летчиком». Мама тут же пожаловалась, что я очень плохо ем. Медленно, без аппетита. Извелась, мол, со мной, что делать, не знает. «А я знаю, — сказал дядя Миша на весь ресторан, — пусть Ленка даст тут при всех честное пионерское самому Водопьянову, что будет есть хорошо и отлично». Велели подняться, встать по команде «смирно», отдать пионерский салют и дать честное пионерское, что буду кушать хорошо. Я с ходу дал «честное пионерское» и, к общему удивлению, тут же разреvelся. После чего признался, что меня из-за отметок в пионеры не приняли. «Ну, вот, — сказал папа, — будешь есть хорошо, будут отметки хорошие и в пионеры примут». И только я начинал дома канючить за столом, родители напоминали о клятве Водопьянову. А вскоре как «хорошиста» меня приняли в пионеры.

Большие мастаки были полярники на всякие розыгрыши и «покупки». Известно, как снятые со льдины папанинцы готовились к встрече с Большой Землей: сбрасывали полярные бороды, утюжили костюмы, надраивали пуговицы, подшивали к кителям свежие подворотнички и т.п. А руководитель экспедиции Иван Дмитриевич Папанин засиделся в своей каюте, приводя в порядок доверенный ему, как начальнику экспедиции, пистолет (на случай встречи с диким зверем)... Его же спутники, ученые Ширшов, Федоров и радист Кренкель, уже приоткрыли неприкасаемый доселе коньяк, а Иван Дмитриевич все протирал да смазывал разобранный пистолет...

И тогда мол... диохозайства к... к деталям писто... собирал и разби... болтику. И как... уговоры: «Пока... И тогда Федоро... жешь найти ему... крытый иллюмин... знаете что може... ному оружию!»... яснив ненужно... По тем времена... терию бдительно... Папанину на ра...

А мой папа... знаменитым сеа...

К нам зачаст... ровать и ожен... и удалось...) Во... мосские магич... с карандаш и др... целяли от любс... ненькой водить... как бы нехотя п... садясь на серую... даже уединялис... ет... Кто-то при... к пояснице и т.д.

К концу аттр... иное, как деторо... них и хохот дру...

И тогда молодой академик Федоров выпросил у Кренкеля из его радиохозяйства какой-то болтик и незаметно подложил его Папанину к деталям пистолета. Иван Дмитриевич, взмыленный, по пятому разу собирал и разбирал пистолет и никак не мог найти места непонятному болтику. И как ни соблазняли его друзья коньяком, он не поддавался на уговоры: «Пока не найду место этому болтику, к рюмке не притронусь». И тогда Федоров осмотрел болтик и сказал: «Иван Дмитриевич, не можешь найти ему место, да брось ты его на хер» и швырнул болтик в приоткрытый иллюминатор... С Папаниным случилась истерика: «Да мне за это знаете что может быть! Утрата бдительности! Халатное отношение к личному оружию!» Кое-как покорителя Северного полюса успокоили, объяснив ненужность чертова болтика. Папанинская тревога была понятна. По тем временам, по воле великого вождя, Герой Советского Союза за потерю бдительности мог запросто стать врагом народа... Словом, пришлось Папанину на радостях рвануть две «штрафных»!

А мой папа сотоварищи прославились на весь Главсевморпуть своим знаменитым сеансом «эскимосского исцеления».

К нам зачастили заневестившиеся мамыны подружки в надежде очаровать и оженить на себе холостого полярничка... (Что некоторым и удалось...) Вот этим принаряженным тетям предлагались две эскимосские магические реликвии — тоненькая янтарная кость длиной с карандаш и другая — потолще, серая, пористая. По преданию они исцеляли от любого недуга. Стоило лишь сесть на ту, что потолще, а тоненькой водить по нездоровым местам. И кокетливые франтихи вначале как бы нехотя приступали к эскимосскому обряду исцеления, терпеливо садясь на серую палочку, водя другой по нездоровым местам. А некоторые даже уединялись в другую комнату, чтобы приложить палочку куда следует... Кто-то прикладывал палочку к glandам, кто-то — к глазам, кто-то — к пояснице и т.д.

К концу аттракциона модницам сообщалось, что эти палочки — не что иное, как детородные органы моржа и белого медведя. Раздавался визг одних и хохот других...

В подмосковном санатории. Вглядитесь в эти радостные лица — Полярники умеют веселиться!

На финал розыгрыша отец раскрывал объемистый чемодан с плитками шоколада «Золотой» и «Серебряный ярлык» и с большими коробками сливочного ириса и щедро одаривал гостей. Все эти сладости были из сэкономленного аварийного авиапайка, выигранные в долгих шахматных баталиях на зимовке. Я же то и дело напоминал папе, чтоб не очень-то раздаивал сливочный ирис — любимое лакомство нашего зоопарковского медвежонка. Мало пили, много пели. И как было не петь, когда у мамы в руках была гитара. Соседи во дворе одобрительно переглядывались: «Полярники гуляют». И не грех было им на время забыть бесконечные, суровые полярные ночи, где не так-то просто было осилить порученное задание.

Итогом всему увиденному и услышанному, появился у меня впоследствии полярный вальс. Отрадно было узнать, что, спетый Володей Трошиным в передаче для полярников, он стал их любимой песней.

Из патиного
альбома.
Земля Франца
Иосифа.
Папа и его
бортмеханик
у летающей
лодки «Ш-2»

На мачтах се
Не видел я да
Который мес
Живет твой

ПРИПЕВ: Поля
Здесь ярче сия
Большая зима
Кругом лед и с

Большую земл
Приборы опуск
И хвойным лес
Под Новый год

ПРИПЕВ: Поляр

Мечтаем о ром
Скорей бы с нил
И, все-таки, мо
В родном краю

ПРИПЕВ: Поляр

ПОЛЯРНЫЙ ВАЛЬС

На мачтах серебрится белый иней,
Не видел я давно лесов и рек,
Который месяц на полярной льдине
Живет твой нежный снежный человек!

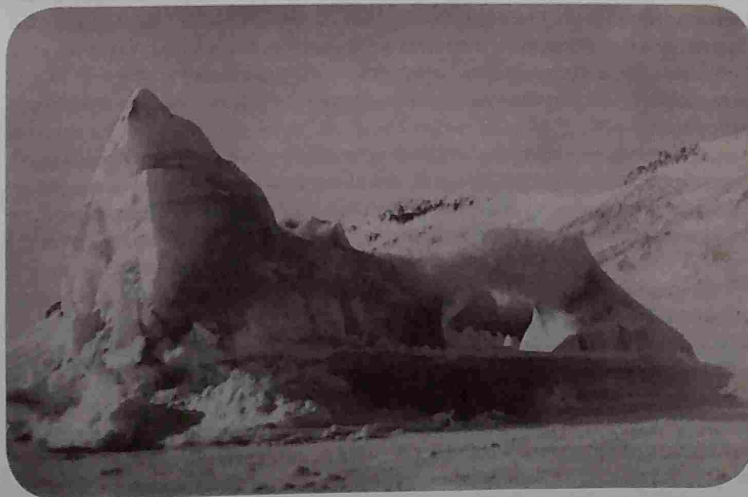
ПРИПЕВ: Полярное утро не знает рассвета,
Здесь ярче сиянье далеких планет...
Большая зима, короткое лето,
Кругом лед и снег... А подснежников нет...

Большую землю слушаем подолгу,
Приборы опускаются под лед,
И хвойным лесом пахнущую елку
Под Новый год приносит самолет.

ПРИПЕВ: Полярное утро не знает рассвета...

Мечтаем о ромашках, о березках...
Скорей бы с ними встретиться опять!
И, все-таки, морозов и торосов
В родном краю нам станет не хватать.

ПРИПЕВ: Полярное утро не знает рассвета...

Земля Франца
Иосифа, Айсберг.
(Папино фото-
творчество)

ИЗМЯТАЯ ТРЕШКА

Однажды, когда наша ребячья стайка сидела на чердаке, со вкусом жуя кем-то принесенную воблу, Колька Осипенко (по кличке Оса) твердил мне: «Если ты настоящий оголец, мужик, а не баба, должен это дело доказать». Оса в нашей компании был старшим, он отлично рисовал карандашами, красками, и, кроме того, раньше других стал выпивать, курить и доказывать юным бабенкам свою мужскую сущность...

Вот этот лихой Оса подбил меня на преступный «подвиг»: вытащить у отца из кармана денежную бумажку. У него, мол, полярника, денег, небось, полно, сам не знает сколько. «Купили бы папирос, пивка, воблы, докажи, что ты пацан, а не девчонка».

И ночью, когда у нас в доме все спали, я, затаив дыхание, дрожащей рукой вошел во внутренний карман папиного пиджака, висевшего на спинке стула, и обнаружил там пачку зеленых трешек. Прихватив одну из них, я положил пачку на прежнее место и утром, кое-как позавтракав, кинулся на чердак, где меня уже поджидал Оса. «Ну, ты, оголец, молодец», — похвалил он меня, увидав в руке зеленую трешку. Я и глазом не моргнул, как Оса выдернул ее из моих рук и был таков...

Накануне отец обещал взять меня на Центральный аэродром (там сейчас аэровокзал), где стояли два его самолета Ш-2 и У-2, на которых он летал над Землей Франца Иосифа. Я их видел только на фотографиях. Была возможность потрогать их своими руками и даже забраться в кабину! Более года они пробыли на Севере, теперь стояли на профилактике. Весь день я был сам не свой — вдруг папа обнаружит пропажу, и не видать мне Центрального аэродрома как своих ушей. Глядишь, вместо него окажусь я в детской комнате девятого отделения милиции. Не помню, как я провел ночь, но к утру твердо решил отобрать у Осы злосчастную трешку. И утром, отыскав его, предложил взамен трешки мой футбольный мяч, даже велосипед.

Оса пошел на сделку при условии, что отдам ему и все мои краски: акварельные, масляные и в придачу все кисточки. На обмен он согласился. Одна беда — трешки у него уже не было. Ее у него в свою очередь отняли уличные пацаны из шайки Рыжего Аиса, частого гостя девятого отделения. И мы вместе с Осой помчались к подвалу дома № 8, где гнездилась их компания. В подвале Аиса не оказалось. И Оса помчался по его следу в ближний продмаг.

(Зимой 41-го Оса стал лихим партизанским разведчиком и погиб в Подмосковье).

Настиг он Аиса в магазине у самого прилавка, когда тот протянул уже руку продавщице с моей трешкой. «Манюха, не дрыхни, давай пачку «Беломора» и «Жигулевского!» Но тут Оса ловко выдернул у него трешку и кинулся бежать. Аис, опомнившись, погнался за Осой и настиг его, прижав к стене нашего сарая. Оса, успев схватить камень, обернул его трешкой и замахнулся. Аис закрыл лицо рукой... но камень Оса запустил не в него,

а в наше раскрытое окно (сапога) маленьки

«Наум! Борька! Т...
Первым объявился Б...
этаже. У Борьки с Ал...
в кухню, шарил по ка...
зит, а рука у Бориса б...
пилке дров. И, вспомн...

У нас дома никого...
дал встречи с папине...
ее ему в карман. «Стр...
ман, — все трешки н...
бы он ее историю. Не...
дрома с папиными са...
в самолетную кабину...

Когда вернулись д...
— А Ленька-то на...
— Как это? — спр...
— Включил старте...
Помнится, пока от...
торе что-то заурчал...
Напрочь вытеснил...
злополучной трешкой

ОКА

Наступил окаанный...
янного в нем, вроде бы...
бодро идя на демонстр...
ные цветы. Наш хромо...
ка, на покраску старого...
уличной стороне нашег...
тер доносил с улицы Гор...

Все было вроде так...
лись какие-то тревожн...
меня выставляли за две...
того не хотелось. Ни г...
Мама стала резкой, раз...
ла и возвращалась зап...
но, что его отправили...
дней, оставив меня на...
моталась она, пытаясь...
ли». А «взяли» его на Е...

а в наше раскрытое окно. Обозленный Аис выдернул из прохарей (голенища сапога) маленький финач.

«Наум! Борька! Толька!» — орал Оса, зовя на помощь нашу ребятню. Первым объявился Борис, старший брат Наума. — Они жили на первом этаже. У Борьки с Аисом были свои счеты. Аис как-то, забравшись к ним в кухню, шарил по кастрюлям и получил от Борьки по шее за незванный визит, а рука у Бориса была нелегкая — подрабатывал на дровяном складе на пилке дров. И, вспомнив о той оплеухе, Аис смылся подобру-поздорову.

У нас дома никого не было. Сняв с камня трешку, я с нетерпением ожидал встречи с папиным пиджаком. И следующей ночью незаметно сунул ее ему в карман. «Странное дело, — сказал он утром маме, заглянув в карман, — все трешки новенькие, а одна почему-то мятая-перемятая?» Знал бы он ее историю. Не видать бы мне, как своих ушей, Центрального аэродрома с папиными самолетами! Какое же это было счастье — забраться в самолетную кабину, потрогать штурвал и всякие рычажки!

Когда вернулись домой, папа сказал маме:

— А Ленька-то наш чуть не улетел.

— Как это? — спросила мама.

— Включил стартер...

Помнится, пока отец говорил с механиками, я что-то там нажал, в моторе что-то заурчало... — радость-то какая!

Напрочь вытеснила она из мальчишеской души горестную историю со злополучной трешкой.

ОКАЯННЫЙ 37-Й

Наступил окаянный 37-й год. Но для нас, учеников 3 «А», ничего окаянного в нем, вроде бы, не было. По радио звучали веселые песни. Народ, бодро идя на демонстрацию, нес портреты вождей, алые флаги и бумажные цветы. Наш хромой дворник дядя Боря, как всегда в канун праздника, на покраску старого забора извел ведро красной масляной краски и на уличной стороне нашего ветхого дома вывесил подштопанные флаги. Ветер доносил с улицы Горького звуки оркестров...

Все было вроде так и не так... В доме у нас вполголоса все чаще велись какие-то тревожные разговоры, а чтоб я не понял, о чем идет речь, меня выставляли за дверь, а то и вовсе велели идти погулять, когда мне того не хотелось. Ни гитара, ни патефон уже не звучали в нашем доме. Мама стала резкой, раздражительной, все чаще куда-то надолго уходила и возвращалась заплаканная. Что же касается папы, мне было сказано, что его отправили на зимовку... А как-то мама исчезла на несколько дней, оставив меня на попечение родни и соседей. Позднее я узнал, что моталась она, пытаясь выяснить, за что, как тогда говорилось, папу «взяли». А «взяли» его на Енисейской авиалинии Севморпути в Красноярске,

и мама ездила туда, чтобы узнать причину ареста, добиться свидания с папой и передать теплые вещи. Но тщетно...

Арестовали и моего дядю, старшего маминого брата Моисея, главного инженера Подольского механического завода. Но об этом я узнал значительно позже. А тогда все чаще видел вокруг мрачных людей с покрасневшими от слез глазами. Позднее взяли и младшего маминого брата — дядю Сашу. А в 40-е годы настал и мамин черед...

Но в те 30-е годы на митингах, в кинохронике и газетах славили Сталинского наркома Ежова, схватившего ежовыми рукавицами «врагов народа». Надо же было на честных и добрых людей навесить такой зловеющий ярлык. Только истинные враги народа были способны на это, и мне было невдомек, отчего моя нежная и улыбчивая мама стала вдруг резкой и раздражительной и все чаще устраивала мне скандалы по пустякам. «Почему руки в чернилах? Почему пуговица оторвалась? Почему пришел из школы на несколько минут позднее обычного?» Иногда скандалы доходили до истерики. Мама падала на кровать, хватаясь за сердце, и соседи отпаивали ее валерьянкой... Не зная истинной причины ее состояния, я решил, что именно я и являюсь виновником ее бед.

Этим я поделился с ближайшим школьным приятелемлевой Никитским. Он заметно выделялся среди других учеников — круглый отличник, умный, начитанный. Дома у отца была обширная библиотека, он был педагогом, преподавал историю в каком-то институте. И как-то ночью незнакомые люди его куда-то увезли... С тех пор и Левушке стало доставаться от матери ни за что. Он, вспыльчивый, самолюбивый, начитавшись Майн Рида, Джека Лондона и Даниэля Дефо, пришел к выводу, что у нас с ним есть лишь одна возможность освободиться от домашнего гнета. Это — побег. Только побег из дома мог избавить нас от невыносимых скандалов. Я в свой черед, очарованный фильмами «Остров сокровищ», «Дети капитана Гранта», охотно принял его предложение — бежать! Но куда?

Оказалось, у Левы был уже готов план. Бежать на неведомую мне Патылиху, где он когда-то гулял с отцом. И там обосноваться в пещере над Москвой-рекой. Благо на Патылиху к Воробьевым горам шел трамвай, проезжавший мимо нашей школы. И однажды погожим осенним днем мы совершили туда разведку, побродив по надречным склонам, мы даже выбрали место, подходящее для рытья пещеры, в которой и предполагали обосноваться. Но чем рыть пещеру? У Левы и на этот вопрос нашелся ответ — в домашнем хламе имелась лопата, вернее лопатка, небольшая — детская... Но это даже лучше, ее незаметно можно будет вынести из дома.

Назавтра я со своей стороны приложил к снаряжению карманный фонарик и папин подарок — самолетные приборные часы (со светящимся в темноте циферблатом!). Возник вопрос: где хранить наше снаряжение? Вспомнили — в коридоре большой коммуналки нашего одноклассника Женьки Труханова по прозвищу Жиртрест стоял старый сундук, в который мы забирались, играя в прятки; на нем же расставлялись угощения, когда кто-то из соседних ребят справлял день рождения. Пришлось, правда, открыть Женьке наш секретный план побега. К нашей радости, и он согласился бежать вместе с нами. Оказывается, и ему дома все больше

доставалось от крова, Женька пас и мамин зонтик дожди. Зонт его в сундуке, а фонарик. Зачем Женьке допрос Родители припел и выдал н

И вот три н очутились в ка дря на нас и под она велела нам мы их, трепеща вышли из каби собирались, сл влящемся побеге как на снятых с тельскую ласку

Таков он бы и нервность, за

Там, где Бол цом к улице сто революции в на очкастой парикм ковский. Отец из проведать сына ке, а о его соседя

От дома к дз зьяками. По сти госостоянии его И жильцы одно Каждое окно отл нием. Из окна м неожиданно яви мой посуды и к ныла гармошка, утрам, когда дом

биться свидания с па-
рата Моисея, главно-
на. Но об этом я уз-
круг мрачных людей
младшего мамино
и черед...

газетах славили Ста-
кавицами «врагов на-
есить такой зловещий
ны на это, и мне было
на вдруг резкой и раз-
по пустякам. «Почему
нему пришел из шко-
скандалы доходили до
де, и соседи отпайвали
стояния, я решил, что

приятелем Левого Ни-
ников — круглый от-
бширная библиотека,
о институте. И как-то
к пор и Левушке стало
, самолюбивый, начи-
фо, пришел к выводу,
зободиться от домаш-
ог избавить нас от не-
ий фильмами «Остров
ил его предложение —

на неведомую мне Па-
поваться в пещере над
орам шел трамвай, про-
м осенним днем мы со-
онам, мы даже выбрали
и предполагали обосно-
прос нашелся ответ —
небольшая — детская...
сти из дома.

жению карманный фо-
е часы (со светящимся
нить наше снаряжение?
нашего одноклассника
л старый сундук, в ко-
е расставлялись угоще-
ь рождения. Пришлось,
бега. К нашей радости, и
, и ему дома все больше

доставалось от родителей. И, согласившись бежать из-под родительского крова, Женька сделал свой вклад в наше снаряжение — наручный компас и мамин зонтик. Оставалось лишь дожидаться погожего дня. Но пошли дожди. Зонтик нас и погубил. Ища зонт, Женькина мама обнаружила его в сундуке, а заодно и все прочее снаряжение — лопатку, компас, часы, фонарик. Зачем все это и откуда, уж не краденное ли? Родители устроили Женьке допрос. Вначале он героически молчал, не открывая нашей тайны. Родители припугнули, сказав, что заявят в милицию. Он сдрейфил, разре-велся и выдал наш секрет.

И вот три наших мамы, Женькин папа и мы — «тройка беглецов» — очутились в кабинете строгой школьной директорши. Сочувственно глядя на нас и подробно расспросив, с чего это мы вздумали бежать из дому, она велела нам выйти из кабинета, оставив родителей у себя. Дожидались мы их, трепеща от страха, около часа. Наконец, к нашему удивлению, они вышли из кабинета, нежно нам улыбаясь, словно мы никуда и бежать не собирались, словно не было дома никаких скандалов. Прослышав о готовящемся побеге, школьная ребятня уважительно глядела на нашу тройку, как на снятых со льдины героев-челюскинцев. А мы снова ощутили роди-тельскую ласку и заботу, впрочем, лишь на несколько дней.

Таков он был, этот окаянный 37-й год, вселивший в души людей страх и нервозность, заставлявший их терять нормальный человеческий облик.

«СТЕНЫ ДРЕВНЕГО КРЕМЛЯ» — ЛЯ-ЛЯ-ЛЯ...

Там, где Большая Бронная перпендикуляром упирается в Малую, тор-цом к улице стояли четырехэтажные дома с комнатами, сдававшимися до революции в наем. В левом доме на первом этаже жил с мамой, тощей очкастой парикмахершей, мой непоседливый однокашник — Толька Машковский. Отец их бросил — пару раз он, замызганный пьянчужка, приходил проведать сына, когда мы делали уроки. Но в данной главе речь не о Тольке, а о его соседях, что жили на третьем этаже в таком же доме напротив.

От дома к дому тянулись бельевые веревки, зорко охраняемые их хо-зяйками. По стиранному белью безошибочно можно было судить о бла-госостоянии его владельцев. Дома были обращены окнами друг к другу. И жильцы одного дома были отлично осведомлены о жизни своих визави. Каждое окно отличалось от другого своим внешним и звуковым содержа-нием. Из окна моего однокашника временами летела пьяная матерщина неожиданно явившегося «папули». Из другого слышался звон разбивае-мой посуды и крики о помощи. Вечерами где-то звенела гитара, где-то ныла гармошка, где-то хрипел заезженной пластинкой патефон. Но по утрам, когда дома отдыхали от этой звуковой вакханалии, по утрам, когда

строители светлого будущего где-то с энтузиазмом ковали что-то железное, рыли котлованы для новостроек и в подмосковных глубинах прокладывали метротоннели, а студенты и школьники разбегались по классам и аудиториям, от утра до полудня наступало затишье, нарушаемое стройными фортепьянными созвучиями. То наивно-минорными, то — мажорными. А творцами этих созвучий был входивший в моду композиторский дуэт братьев Покрасс.

В один из таких дней во двор выскочила, с бельевой веревкой на плече и тазом с бельем, их мама и, не скрывая восторга, на весь двор закричала, звеня грассирующим «р»: «Ой, гррраждане, товарррыщи! Что они пррридумали! Какой пррреккрасный марррш! Вы прррпредставляете? «Утрро кррасит нежным светом стены древнего Крремля...» Потом что-то там тра-ля-ля и «просыпается с ррассветом вся советская (вы представляете!) земля-ля-ля-ля».

Из окна третьего этажа высунулись две черные всклокоченные шевелюры — Дмитрия и Даниила:

— Мама, — орали они, перебивая друг друга, — не кричи, не пой! Ты мелодию вррошь! Дай записать мотив на ноты!

Мама понимающе кивала и делала соседям привычный знак, прикладывая палец к губам. Завороженные соседи то и дело внимали покрасовским мелодиям, вылетающим из окон их небольшой квартирki на киноэкраны всей страны, становясь любимыми песнями эпохи. Это «Три танкиста, три веселых друга», «Дан приказ ему на запад» и воинственно-победная «Если завтра война».

И никто не ведал, не гадал, что до войны было уж рукой подать. И когда война грянула, уж никто не пел хвастливую песню: «И на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом!» Все вышло не совсем так. Вернее — совсем не так...

ПОСЛАННИК ГИТЛЕРА

В школьные годы самым непонятным и тревожным был миг, когда над переполненным стадионом «Динамо» появился самолет со свастикой на крыльях. Было это в конце августа 1939 года. Стадион онемел от неожиданности. Ошеломленные зрители и забывшие о мяче футболисты глядели в небо. В кинохронике такие самолеты сбрасывали бомбы на Мадрид. Не швырнет ли и этот? Стадион притих: «Откуда он взялся?» А посланнику Гитлера с белым платочком в нагрудном кармане было невдомек, что на стадионе в тот момент среди тысяч зрителей был и двенадцатилетний участник всей этой исторической круговерти — будущий автор этих строк. А самолет, сделав над трибунами один круг, другой, качнув крыльями, снижаясь, ушел за Западную трибуну в сто-

рону Центрального аэропорту в Москву министр Риббентропа.

Тогда-то и был поднят планом дележа Европы.

Недавно по телевизору самолет со свастикой на крыльях минаторе заполненный покружиться над ним. Риббентропа в Москву маршал авиации Геринг демонстрируя тем самым дальние перелеты (имеет возможность за пару часов дол-

рону Центрального аэродрома. Вечером того дня радио возвестило о прибытии в Москву министра иностранных дел Германии господина фон Риббентропа.

Тогда-то и был подписан Пакт о ненападении с преступно-бандитским планом дележа Европы.

Недавно по телевидению показали старого германского пилота того самолета со свастикой, в котором летел Риббентроп. Увидав в иллюминаторе заполненный зрителями стадион, министр дал пилоту знак покружиться над ним. По его словам, вначале планировалось прибытие Риббентропа в Москву на поезде на московский Белорусский вокзал, но маршал авиации Геринг настоял, чтоб Риббентроп летел на самолете, демонстрируя тем самым, что не только советская авиация способна на дальние перелеты (имея в виду полеты Чкалова, Громова), но и Германия может за пару часов долететь до Москвы.

Secret Protocols: A Look into the Files

На этой фотографии запечатлен исторический момент подписания преступного советско-германского соглашения.

Обратите внимание, с какой нежностью и старанием Молотов подписывает бандитский протокол раздела Европы и Пакт о ненападении, подписывает, затаив дыхание, отставив мизинчик правой руки. Посланник Гитлера фон Риббентроп — европейский дипломат в темном костюме, белой сорочке при галстукке, с фашистским значком и белым платочком в нагрудном кармане. Аккуратист! В отличие от других, Сталин в сером мятом френче, словно накануне спал после очередной ночной пирушки, не раздеваясь, на диване, что, по свидетельству дочери Светланы, нередко случалось. Известно, что после подписания Пакта, наш главный коммунист провозгласил тост за здоровье фашистского главаря в надежде на ответное алаверды из Берлина... Однако Гитлер, видно, был мало знаком с застольными грузинскими обычаями, и его «алаверды» последовало 22 июня 41-го года...

Таково краткое описание фотографии исторического момента, сделанной 23 августа 1939 года. Момента, определившего судьбу целого поколения, судьбу миллионов людей...

ФАШИСТСКИЕ ФЛАГИ

В сентябре, в первые дни учебного года, по классу пронесся слух, что неподалеку в переулке висят фашистские флаги. Помчались туда после уроков, и в самом деле — на здании немецкого представительства висели два длиннющих вишнево-красных полотнища от крыши до тротуара. И на них на фоне белых кругов чернели жирные свастики!.. Флаги были не в пример нашим, линиялым, что вывешивались на праздники: эти фашистские нагло красовались на улице Алексея Толстого на сумрачном гранитном здании германского консульства, пугая наши ребячьи души и настораживая взрослых. Что же произошло? Словно все мы попали в другой мир! Ни один год радио, газеты и книги, кино и театры говорили о фашистских злодеяниях в Германии и оккупированных странах Европы, о бомбежках Мадрида, по радио звенели мужественные антифашистские песни Эрнста Буша, на экранах шли серьезные антифашистские фильмы: «Профессор Мамлок», «Семья Оппентейм», «Карл Брунер», и мы пели песню из этого фильма: «Мы не сдаемся, мы идем, и если грянет гром, мы победим!». Из республиканской Испании звенел голос Долорес Ибаррури! Мир возмущался арестом Эрнста Тельмана. И мы на митингах вместе со взрослыми сжимали детские кулаки: «Рот Фронт!»

И вот нате, пожалуйста, над Москвой повисла свастика...

А тем временем Марк Бернес в фильме «Истребители» задушевно пел: «Любимый город может спать спокойно». И любимый город спал спокой-

но. В ночь с 21 на 22 июня 1941 года другие наши герои Сталину доложили о получении приказа Гитлера о начале нападения на Советский Союз (по достоверному источнику — Эрнсту Тельману, Зорге). И всех мужиков в Москве больше доверять не было.

От немецких захватчиков любимый вождь, Сталин, взмолился в радиоприемнике: «Мои...»

Довоенная песня о мим малой кровью, о обращении вождя к народу: «Когда нас в бой поведут, побежали в военный строй, танковые в боевом строю, гибшему во время»

Завидовали Алле, бы и нам с именем Сталина. В военкомате и в штабе, шумгам, то и дело звонили в трубку. Воевать надо, позовем вас, вас». Мы ушли оголодавшие. Но постепенно обрели истинный облик.

но. В ночь с 21 на 22 июня 41-го, когда на Киев, Минск, Смоленск и на другие наши города летели фашистские бомбы... А ведь накануне войны Сталину доложили: «Надежный источник сообщает из Берлина, в армии получен приказ Гитлера — быть готовыми к войне, с указанием даты и часа нападения на СССР». Сталин ответил (дословно): «Пошлите ваш надежный источник к ебенной матери». Были сигналы с запада и востока (от Зорге). И всех мудрый вождь послал... А источники были правы, но Сталин больше доверял Гитлеру, чем своим чекистам.

От немецких бомб уже горели Минск, Киев, Орел, Смоленск, а наш любимый вождь, отец родной, впал в прострацию. Лишь через месяц он взмолился в радиомикрофон: «Братья и сестры, к вам обращаюсь я, друзья мои...»

Довоенная песня утверждала, что мы на вражьей земле врага разгромим малой кровью, могучим ударом. И хоть в жизни вышло все иначе, обращение вождя относилось и к нам, к мальчишкам, не зря же мы пели: «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин» и, не дожидаясь, когда пошлет, побежали в военкомат, требуя немедленной отправки на фронт. Воспитанные в боевом победном духе, мы завидовали Виктору Талалихину, погибшему во время второго тарана над Москвой.

Завидовали Александру Матросову: «Повезло же так умереть! Скорей бы и нам с именем Сталина на устах погибнуть героически!..»

В военкомате и без нас хватало дел, царил суета и неразбериха, стоял шумгам, то и дело трезвонил телефон. Бойкая девица что-то кому-то кричала в трубку. Военком говорил с нами учтиво, но строго: «Когда будет надо, позовем вас, а сейчас не мешайте, идите учиться. Пока обойдемся без вас». Мы ушли огорченные, а вдруг и впрямь обойдутся без нас.

Но постепенно война, лишаясь красивой обертки, предстала в своем истинном облике. К продовольственным магазинам потянулись огром-

Легенда ли, правда ли — как знать?!

Тогда же было и в Озеркино, поселил Спердатов,
Можу рассказать... , у нас 3 бомбы: 1 - жидко взрывч.
вторая у нас на бомбоуборочном, третья на жидк. хлор.
инертной, а все уже не взорвалось...!

Тони успешен, вникнал, помню, говореше 12/20 и на
вместо въртешки и "Рос Фронт" и Лео и Карл и
пръво попадане в египет, и то е, и всички как се

Вскоре сестра, чтоб я
ду. Школой оказалась пр
ники всех классов от пер
правописания и алгебра
тринка, мел, счеты, глоб
ра моя, завоевавшая дов
ние, убежала по обществе
А мое пребывание в то

ПРОЩАЙ, МОСКВА

35

Осенью 41-го пришлось нам с мамой спешно эвакуироваться из Москвы. Держались, что называется, до последней минуты, но пришла и она. Работала тогда мама секретарем дирекции ВШПД (Высшей школы профдвижения). Общалась с московским начальством, в том числе и с военным. Немцы уже стояли под Москвой. Всюду ширырили саперы, минируя город. Но начальство твердило: «Москву не сдадим!» — «А почему же эвакуировали свои семьи?» — спрашивала мама. «А так, — отвечали, — на всякий случай. Мало ли что...» Это «мало ли что» и стало причиной нашей спешной погрузки на прогулочный речной трамвай «Слепнев» (из серии названных в честь летчиков, спасших челюскинцев). Переполненный корабль осел больше положенного. И капитан немедля отчалил от Химкинского причала. Уходящая Москва выла sireнами воздушной тревоги. Наш корабль, идя к Волге, как в ловушке, торчал в шлюзах канала. То и дело скандалили сидящие в тесноте и темноте пассажиры (светомаскировка). Орала младенцы... Но все притихли, заведя над каналом самолет. «Наши? Или не наши?» Говорили, что накануне где-то рядом упала авиабомба...

В конце двухнедельного путешествия со множеством пересадок и невеселых приключений мы добрались до глухой заволжской деревеньки Юрткули, где учительствовала моя двоюродная сестра, обосновавшаяся там с двумя малыми детьми. Эвакуированных встречали по-разному. Одни небрежно называли нас «выковыренные», но большинство относилось сочувственно. Спрашивали: «Как там? Сдали Москву немцу или нет?»

Мы твердо отвечали: «Нет», хотя и не знали, что с Москвой. Председатель колхоза поставил нас на кой-какое довольствие, указав на агитплакат «Не теряй урожай — колосок подбирай. Каждый колосок — выстрел по врагу!». И моя сверхактивная мама тут же организовала из эвакуированных ударное звено по сбору потерянных в поле колосков. И в праздничный день 7 ноября мы с рассветом вышли в замечательное продутое ветрами поле. Не зная, не ведая, что в это самое время в Москве на Красной площади шел парад.

Помня, что каждый найденный колосок — выстрел по врагу, набрав их с полсотни, я был убежден, что выпустил по фашистам целую автоматную очередь! Дурацкая это была затея, но мы, изрядно продрогнув, отогреваясь у русской печи, были уверены, что доказали сельчанам, на что способны патриоты-москвичи!

Вскоре сестра, чтоб я не терял учебный год, привела меня в свою школу. Школой оказалась просторная изба, где одновременно находились ученики всех классов от первого до седьмого. На одной доске были примеры правописания и алгебраические формулы, школьным инвентарем служили тряпка, мел, счеты, глобус на шкафу и портрет товарища Сталина. Сестра моя, завоевавшая доверие колхозников, то и дело, дав ученикам задание, убегала по общественным делам, оставив моей маме своих малолеток. А мое пребывание в той школе сводилось в основном к тому, что я, по

стых очках с бидоном
варе. Показывая трех-
м на ладони, он удив-
ища в жизни человека
лабораторией, своими
А теперь только о еде
получше их отovarить.
воротку. Дают всего по
вался в девять), может,
равнению с видом раз-

ло! Завыли sireны воз-
из бомбоубежища, мы
ке угодила футаска. По-
едины была груда щеб-
ренности с обрывками
все было покрыто се-
копились пожарные
е молодая женщина, са-
спокоить. Она то и дело
мелы, а дома нет — гора
ери...

откнув ветхое строение,
или весь район от пло-
дома и других соседних
или хлеб, заливая сырой
тут мама вспомнила, что
инные котлеты (с чесноч-
портятся?» — возмущился

ря играли в казаков-раз-
и с черного входа проник-
и тишине возились в под-
ка просилась погулять.

ули... Саперы вполости
котлеты были героически
месте взрывателя находи-
т, в германском подполье

сам Стердуба
мел. 1 - жила Криво
губы на губе хлеб
вали...

говорила 1270 Моск
МРСО и Криво...

просьбе ребятни, рассказывал о Москве (о метро, двухэтажных троллей-
бусах, стадионе «Динамо»).

Понятно, слушали они, в полном смысле слова, разинув рты. А уж рас-
сказы об отце полярнике, белом медвежонке и ледоколе «Таймыр» и про-
чем сделали меня среди детворы первым человеком. К тому же, я привез
из Москвы компас, карманный фонарик и радионаушник. О том, что тво-
рилось в мире, узнавали от Председателя колхоза, а он, в свою очередь, по
телефону-вертушке из района. Хоть в нашей избе и висела черная тарелка
громкоговорителя, он не говорил ни громко, ни тихо. Провода радиотран-
сляции, шедшие от столбов к избам, были оборваны. Тут-то и пригодил-
ся мой радионаушник. Пацаны под моим началом смастерили лестницу.
И с помощью своего наушника я нашел обрыв. Первым делом я забрался
на крышу нашей избы и подключил наушник. Дело было в начале декабря,
и оттого, что я услышал, от радости чуть не свалился с крыши...

Четкий голос Левитана сообщал о разгроме под Москвой немецко-фа-
шистских войск и о нашем успешном наступлении. «Ребята! — заорал я.
— Ура! Победа! Победа под Москвой!»

В избе ожил репродуктор. Все кричали «Ура!» и прыгали от радости,
уверенные, что не сегодня-завтра наши дойдут до Берлина и войне —
конец!

Так или иначе, мама твердо решила, что нам пора возвращаться
в Москву, но для этого необходим был официальный вызов. Москва
была на осадном положении. Без пропуска въезд был строго запрещен.
И все же всеми правдами, а больше неправдами, мы нелегально прибы-
ли в Москву и собственным ключом открыли дверь в свою квартиру.
Но радость вскоре улетучилась, поскольку начались полуголодные мы-
тарства при отсутствии продовольственных карточек. И когда мамин брат,
офицер-танкист, мой любимый дядя Миша, доставил нам мешок карто-
шки и солидный шмат сала, ликование не было предела! Школы были
эвакуированы, и оставшаяся детвора была под присмотром дворников
и участковых. В итоге я оказался в учебно-производственных мастерских
МОСГОРОНО. В начале учеником слесаря, а затем столяром в мебельных
мастерских, выпускавших в те дни ящики для мин и снарядов. Вот уж где
пришлось повкалывать! Фронту требовалось все больше боеприпасов.
Случались частые авралы.

ЯЩИКИ ДЛЯ СНАРЯДОВ

Не спали три ночи
А был я тогда ст...
Ящики для снарядов
Мы делали в 42-м
Оформлены учени...
Нам-то не все ли...
Пыхтели мы над...
Натужно стуча...
В цеху, подчинен...
Когда ж перекур...
В цементную шл...
Небрежно сквозь...
И важно курили...
В то царство гд...
Однажды прише...
Где классу рабоч...
Двенадцать-чет...
По цеху, шурия...
Прошелся седой...
«Так-так, нажи...
Горячее времечко...
Расправив под п...
Ушел, козырнув...
И нажимали реб...
Про сон позабыл...
Стружку швыря...
Визжала электр...
И мокрые липли...
К ребячьим, гор...
Да, так мы тог...
Оконные стекл...
Казалось, не гд...
Раскатистый п...
Ящики для снар...
Мы делали в 42-

ЯЩИКИ ДЛЯ СНАРЯДОВ

Не спали три ночи кряду,
 А был я тогда столяром,
 Ящики для снарядов
 Мы делали в 42-м.
 Оформлены учениками,
 Нам-то не все ли равно,
 Пыхтели мы над верстаками,
 Натужно стуча молотками,
 В цеху, подчиненном РОНО.
 Когда ж перекуры бывали,
 В цементную или конуру,
 Небрежно сквозь зубы плевали
 И важно курили махру.
 В то царство гвоздей и опилок
 Однажды пришел военпред,
 Где классу рабочему было
 Двенадцать-четырнадцать лет.
 По цеху, шурша плащ-палаткой,
 Прошелся седой капитан:
 «Так-так, нажимайте, ребятки,
 Горячее времечко там».
 Расправив под поясом складки,
 Ушел, козырнув на ходу...
 И нажимали ребятки,
 Про сон позабыв и еду.
 Стружку швыряли рубанки,
 Визжала электропила,
 И мокрые липли рубахи
 К ребячьим, горячим телам.
 Да, так мы тогда поднажали,
 Оконные стекла дрожали! —
 Казалось, не где-то, а рядом
 Раскатистый пушечный гром.
 Ящики для снарядов
 Мы делали в 42-м.

Газетное фото.
 В этих ящиках, сбитых
 мальчишескими руками,
 отправят гостинцы
 для врага.
 Я — крайний слева.

За смену полагалось выдать не менее 25 ящиков. Тому же, кто норму не выполнял, на декаду уменьшали дневной хлебный паек на 100 граммов. А по закону военного времени за опоздание на работу более чем на 21 минуту отдавали под суд...

Транспорт ходил с перебоями. Трамваи, троллейбусы были переполнены. И ехать на троллейбусном бампере было делом привычным. Хозяйственный рыжеватый паренек Хасаныч всегда ходил на работу с противогазной сумкой. И дежурные ПВО ставили нам его в пример — все обязаны быть при противогазах. А Хасаныч открыл мне свой секрет: «Как без сумки-то? Вот видишь, под ногами сепочка, вот ее место (и, подняв щепочку, аккуратно клал ее в сумку). А вон кусочка торфяной брикета, и его сюда... К вечеру сумочка будет полна. И ты такую носи». По совету мудрого Хасаныча и я (с немалой пользой) стал носить противогазную сумку.

В соседнем подвале зоркий Хасаныч обнаружил рваную автопокрышку, и мы ее втихаря распилили. Хасаныч уверял: «Гореть будет каласо». Мы обогривались буржуйкой. И, возвращаясь с работы, я уже на Никитской, чуя резиновую гарь, понимал, мама что-то готовит на буржуйке к моему приходу. И я бодро шагал в драных валенках, подошву к которым вновь и вновь прихватывал медной проволокой. Словом, жизнь была не сахар, и даже не сахарин...

Победный оптимизм все больше улетучивался, и как-то после ночной смены, наклепав 27 снарядных ящиков, я шел от мастерских по улице Радио к Курскому вокзалу. Начиналась весна. По-доброму голубело небо, наполненное птичьим щебетом. Проходя мимо старинного белого здания с колоннадой, я увидел что-то непонятное. На площадке у колонн кувыркались какие-то странные существа... Существа эти были с человеческими головами! Когда я понял, в чем дело — стало не по себе. То были инвалиды войны, лишенные конечностей (в здании был госпиталь). Обогретые солнцем и опьяненные весенним воздухом, они, проказничая, кувыркались, толкая друг друга, и хохотали над упавшими навзничь, безуспешно пытавшимися подняться. Пожилая санитарка тщетно пыталась их утихомирить: «Угмонитесь, пеньки глазастые!»

Я содрогнулся, наблюдая эти развлечения. Еще недавно эти парни были гордостью своих родных и невест. В круту себе подобных калеки забывали о трагичности своего положения... Сегодня им весело, но что их ждет в будущем?.. Лет через двадцать я рассказал Юрию Нагибину об этих ужасных игрищах, имея в виду его валдайскую повесть об одном из таких горемык. Юрий Маркович, чуть заикаясь (последствие военной контузии), посетовал: «Знал бы я об этом ве-ве-веселье, непременно бы вставил в свою по-повесть...»

Но вернемся в столярную мастерскую. Близилась осень. Вернувшись из эвакуации школы готовились к началу учебного года. Пора было и мне браться за ум — продолжать учебу. Когда я принес мастеру цеха, прозванному за хромоту и строгость Кошеем, заявление об уходе, он и слушать не стал. «Кончится война, пойдешь учиться». Узнав о моей беде, бывший проездом в Москве мой одесский дядя-весельчак Харитон — летчик-истребитель, кавалер вновь утвержденного ордена Александра

Невского, подо-
смотрите на

Назавтра ор-
ваться на новы
Кощей, — хрен

В этой военн
товарище, клоу
раторе Георгии

В техникум
прогэса в 1931 г
в многотиражно
и подвижный, о
но таскал с соб
вслух и многим
спроста его звал

Высшим дос
девушек, крутан
и сделать стойку
комстве он встр
клоунишка пиш
ных «чаепитий»

Лидером Жо
организовал цир
41-го полторка
щами то и дело
стрельба, машин
ни возмись, не
военнопленных.
морозы. Нетопл
в снег, конвоир
Жорик, — пове

О том, что г
нии в Маутхауз
но вспоминал
тофонные запи
и рассказывал
ся, все поминут
пахнув лагерны
ми, сигаретам
сказочный мир

Невского, подобно Марку Бернесу в фильме «Два бойца», сказал: «Нет, вы посмотрите на этого нытика. Не дрейфь, племяш, пойдем в атаку».

Назавтра орден Александра Невского и решил мою судьбу — полюбоваться на новый орден сбежалась вся цеховая ребятня. «Ладно, — сказал Кощей, — хрен с тобой, иди, учись!»

БРАВО, ЖОРЖ!

В этой военной главе я не мог не вспомнить о моем старшем цирковом товарище, клоуне и акробате, страстном книголюбе и незаурядном литераторе Георгии Кадникове.

В техникум циркового искусства он приехал со строительства Днепрогэса в 1931 году. На строительстве работал бетонщиком и сотрудничал в многотиражной газете. Среднего роста, мускулистый, суховатый, резкий и подвижный, он выделялся среди студентов своей образованностью, вечно таскал с собой связки книг. В общезнании по вечерам читал друзьям вслух и многим привил любовь к чтению, всех будоражил и заводил. Непроста его звали «наш лидер».

Высшим достижением у студентов считалось, встретив симпатичных девушек, крутануть сальто-мортале: в пальто на уличном асфальте! А то и сделать стойку на руках на перилах Крымского моста. При нашем знакомстве он встретил меня в штаны: «Подумаешь, какой-то желторотый клоунишка пишет для маститых комиков!» Но после двух-трех совместных «чаепитий» подобрел, и сошлись — «водой не разольешь».

Лидером Жора был не только в студенческие годы, но и позднее, когда организовал цирковую фронтовую бригаду... Мокрой дождливой осенью 41-го полуторка, на которой ехала бригада, забуксовала. И Жора с товарищами то и дело вытягивал засевшую машину... Послышалась пулеметная стрельба, машина скрылась в лесном сумраке. Разрывы снарядов, и, откуда ни возьмись, немецкие мотоциклисты... И оказался наш Жорик в колонне военнопленных. Колонну погнали на запад. Пошли снега, ударили лютые морозы. Нетопленные бараки, отошавшие, обмороженные пленные падали в снег, конвоиры их тут же пристреливали. «Повезло, — вспоминал потом Жорик, — повезло, что я циркач-спортсмен. Это, видно, и выручило».

О том, что пришлось пережить ему в фашистском плену, о пребывании в Маутхаузене и других концлагерях Жора мне нередко рассказывал, но вспоминал все это без охоты. До сей поры у меня хранятся магнитофонные записи его ужасных исповедей, а память у него была цепкая, и рассказывал он, не упуская малейших деталей. Помнил, что называется, все поминутно, вплоть до дня, когда солдаты армии союзников, распахнув лагерные ворота, сбросили со «Студебекеров» ящики с продуктами, сигаретами, консервами. Истощенные узники глядели на это, как на сказочный мираж. Оказавшись в лагере для «перемещенных лиц», Жора

имел возможность остаться на Западе, но он предпочел вернуться на Родину, которая, однако, встретила его хуже злой мачехи... Известно, какое отношение было к людям, побывавшим в плену. Выпущенный уже из-под советского конвоя, Жора вернулся было в цирк, но кадровики отнеслись к нему, как к прокаженному. В пору «оттепели» на встрече бывших узников Маутхаузена увиделся он со своим бывшим сокамерником, живущим в США, Федей Петровым, ставшим Фредом Петерсом. «Знаешь, — сказал Жора розовощекому фермеру, — я все эти годы думал, как ты, такой патриот, связист-разведчик, и вдруг рванул на Запад?» — «Знаешь, Жорик, — улыбнулся тот, — если честно, во всем виновата была бумага, вернее, ее качество. Помнишь, в лагере для перемещенных появились листовки. Одни предлагали остаться на Западе, другие — вернуться на Родину в Советский Союз». — «Конечно, помню». — «А помнишь, на какой бумаге они были напечатаны? Американские — на мягкой, глянцевой, отличным шрифтом, а наши — еле пропечатаны, на грубой, жуткой бумаге с опилками, с такой и в туалет ходить опасно, занозы обеспечены...». — «Ну и как же ты там?» — «Ферма, жена, пятеро детей, девять внуков, пятнадцать тысяч свиней, три машины, в общем, кое-как перебиваемся. Ну, а ты тут как?» — «Как в сказке, — ответил Жора, — чем дальше, тем страшней...»

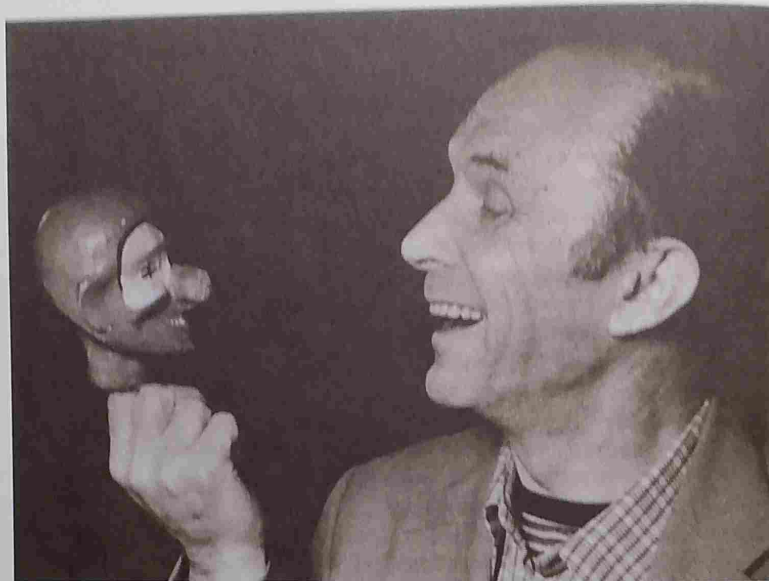
А жизнь и в самом деле в то время у Жоры не ладилась, его гоняли по периферийным циркам, не давая возможности для творчества, вступился за него перед руководством Госцирка Юрий Никулин. Бдительные кадровики ворчали: «Заступаетесь за человека, побывавшего в плену, рискуете партбилетом». Юра рискнул — человек был спасен. Со временем Жора стал художественным руководителем популярного коллектива «Цирк на воде», а затем главным режиссером Львовского, а позднее Одесского цирка. Казалось, жизнь налаживается. Но последствия пребывания в фашистских застенках дали знать о себе... Жоры не стало... Но остались в репертуаре многих клоунов его остроумные репризы, остались его звонкие стихи. И я вновь и вновь восхищаюсь стойкостью и щедростью его клоунской натуры, когда, рискуя жизнью, он смелой шуткой подбадривал узников фашистских лагерей. Ему, моему незабвенному дружочку, посвящена эта баллада.

Взрывом прерван концерт под Вязьмой,
Грязь осенняя до колен...
Шины, как ни газуй, увязли...
Окружение и долгий плен.
Автоматами в спину тыча,
Все людские отняв права,
Нарекли: «Девяносто семь тысяч
Двести шестьдесят два».
На рассвете — в каменоломни —
Под присмотром цепных собак...
На закате — в немой колонне...
«Шнеллер, швайне!» В сырой барак...
Проклят будь, пятизначный номер! —
Ночь побега... Сирены вой...
Плетка!.. Карцер... Другой бы номер —
Страшный номер. Не цирковой.

...Крематорий д
И, испытывая с
На поверке осп
«Ох, не вылете
Небо в копотн..
Из души рвется
Клоун! Люди си
Пусть последни
...От эсесовцев
Собирали тебе
Шляпа, пестры
Банттик, трост
Все на нарах леж
Даже зеркала бы
Брови уголь печ
А чтоб ярче тво
Красный выкрал
Он впервые так
Изготовили гри
По крупиночке м
Собирали на кло
...И ты вышел в
Как при блеске пр
За весь клоунски
Людам сердце от
Ты жонглировал,
(Где-то лагерный
полосатый народ
«Браво, Жорж!..»
С пиджаком, слов
Танцевал, мотыл
В кошки-мышки и
И бесился как Гип
«Браво, Жорж!» —
Меж трехъярусны
Появись тогда бл
Горек был бы тво
Отрываясь от ск
Подконвойные, че
Воскресали душо
Ощувив себя вно
Много было и до
У тебя выступле
Память в затхл
Рядом смех и сме
Дерзость клоуна
И — повержен ф
«У меня, — при
Лучшие не было к

...Крематорий дымит привычно,
И, испытывая судьбу,
На поверке острись публично:
«Ох, не вылететь бы в трубу...»
Небо в копоти... Юмор жуток —
Из души рвется смертный крик...
Клоун! Люди сильней от шуток,
Пусть последний, но будет цирк!
...От эсесовцев по секрету
Собирали тебе наряд —
Шляпа, пестрый пиджак, итиблеты,
Бантик, трость... В час условный это
Все на нарах лежало в ряд.
Даже зеркала был осколок!
Брови уголь печей чернит...
А чтоб ярче твой рот был, клоун,
Красный выкрасили стрептоцид,
Он впервые такой целебный!..
Изготовили грим всерьез.
По крупиночке мякиши хлебный
Собирали на клоунский нос.
...И ты выпел в неярком свете,
Как при блеске прожекторов,
За весь клоунский род в ответе,
Людам сердце отдать готов!!!
Ты жонглировал, кувыркался
(Где-то лагерный пес рычал...),
Полосатый народ смеялся, —
«Браво, Жорж!..» — шепотком кричал!
С пиджаком, словно с милой дамой,
Танцевал, мотыльком порхал...
В кошки-мышки играл с панамой...
И бесился как Гитлер — «Хааайль!»
«Браво, Жорж!» — И вновь балагурил
Меж трехъярусных тесных нар!..
Появись тогда блокенфюрер —
Горек был бы твой гонорар...
Отрываясь от скотских буден,
Подконвойные, черт возьми,
Воскресали душою люди,
Ощутив себя вновь — ЛЮДЬМИ!..
Много было и до и после
У тебя выступлений, но
Память в затхлый барак уносит,
Рядом смех и смерть. Не смешино...
Дерзость клоунского задора
И — повержен фашистский ад!
«У меня, — признавался Жора, —
Лучше не было клоунада!»

Эта клоунская
головка из глины
Бухенвальда спасла
Жорю жизнь. По
времени общего обиска
доксифторер
отпечатавал головку
сапогом — «фи,
дрек август...» На
обратной стороне
фотографии
надпись рукою
Кадников:

Л
Е
О
Н
И
Д
К
У
З
Н
Е
Ц
О
В

23 августа
1941 г.

Браво, Жорж!

43

Дорогой мой друг
Фришка.

Пусть со временем наша жизнь
единственным девизом для нас
такая выражение!

— А мы смеемся! Нам пугают,
мы хотим!

... Так же, как и ты, ты же очень
дорога ты, но сбереги мои «крамольные»
стихи от Гестаповцев.

23 апреля 1977 г.
г. Москва

Г. Кадников

«Дорогой
мой друг
Фришка.
Пусть
до последнего
часа нашей
жизни
единственным
девизом для нас
будет такое
выражение:
— А мы смеемся!
Нам пугают.
А мы хотим!..
Эта головка
дорога тем, что
сберегла мои
«крамольные»
стихи от
гестаповцев.
Георгий
Кадников.
23 апреля 1977 г.
г. Москва».

В очерке использованы воспоминания сокурсника
Г. Кадникова по цирковому училищу — Иосифа Фридмана
(цирковое прозвище — «Фриша»).

«КРАСНОДОНЦЫ» ЗА ЧЕРВОНЦЫ

Лежал у нас в зеркальном шкафу с довоенных времен бежевый драповый отрез маме на пальто. И когда немцев отогнали от Москвы, мы, вернувшись из эвакуации без вызова и пропуска, жили нелегально без продовольственных карточек. Жили, как в анекдоте той поры. Встречаются два приятеля. «Как поживаешь?» — «Как моль...» — «В смысле?» — «Пальто проел, костюм проел... Сейчас проедаю последние кальсоны...»

В эвакуации мы «проели» папины меховые унты, летнюю куртку... Теперь настала очередь драпового отреза. Понесла его мама на Тишинскую толкучку и сходу была сцапана милицией как «гражданка, нелегально проживающая на нетрудовые доходы». Отрез конфисковали. Думалось, тем дело и кончилось. Ан, нет. Стали вызывать маму к следователю. Выяснилось, что за ее проступок могут упрятать и за решетку! И хоть взяли подписку о невыезде, не такова была моя мама, и в один из дней ее и след простыл... То и дело вызывал меня повесткой оперуполномоченный, требуя, чтоб сказал, куда делась беглянка! Я лишь пожимал плечами, готовый к побоям и пыткам... Узнав от соседей, что отец был полярным летчиком, он со временем поостыл и оставил меня в покое...

В ту капризную морозно-ветреную зиму нелегальным маминым прибежищем стала стараниями моего друга поэта Бори Брянского пустовавшая в Малаховке дача его родственников. Пробираясь по снежным заносам, я доставлял ей провизию, газеты, журналы (как же без них?), лекарства и прочее. Обогревалась она привезенными мной рефлекторами и лишь изредка, по ночам — буржуйкой, чтоб не виден был идущий из трубы дым...

Для чего было это нелегальное житье? На что мы надеялись? Думали, что пронесет. Меня же милиция дергать перестала... Авось, плюнув на пустяковое мамино дело, ОБХССники о нем забудут... Наивно, и все же мы надеялись...

Однако не в маминой натуре было это томительное бездействие. И даже здесь, в зимней безлюдной Малаховке проявилась ее смекалка. Увидав на дачном перроне клубное объявление о предстоящем показе нового кинофильма «Молодая гвардия», она вспомнила, что у нас дома бывал Женька Моргунов, игравший в этом фильме предателя Стаховича. И она поинтересовалась у клубного директора, не хотел бы он перед началом сеанса или после устроить встречу зрителей с артистами, игравшими молодогвардейцев. Директор обеими руками ухватился за это предложение. Но как официально оформить это мероприятие? На это могут уйти недели, а то и месяцы, но мама и директор в обход формальностям нашли выход, и «молодогвардейцы» «Олег Кошевой», «Сергей Тюленин», «Любка Шевцова» и, конечно, Моргунов — Стахович, ставший в этом деле маминой правой рукой, с радостью согласились получать по червонцу за выступление, и — пошло-поехало. После первого успешного выступления посыпались предложения от окрестных школ и клубов. На одной встрече случилось нечто необычное.

Гулька Могилад... ему акцентом сказа... ваем молодежь в ду... «В духе педриотизм... «В духе педриотизм... догвардейцы прысн... ну нашего смеха, он... на что Моргунов его... сниматься теперь то...

На мою маму «мо... благотворительниц... у меня, Гурзо и Мор... «Твоя маманя — чел...

Когда не удавал... Женька вытлкнул... тавший накануне р... вошедшие в фильм... слушали меня, раскр... лец: давай, мол, дава... червонца.

Наступил день, с... гвардия». Некоторые... Александр Фадеев, а... симвов значительно и... щипал Фадеева, мол... ращаться с фактами... замасла.

И ничего удивите... ский не был адъютант... ник, но, тем не менее... классикой и духовни... вой литературы. И в д... Моргунов, не был пр... ев сложил две фамили... секретаря Валько (гер... рианте романа, и он б...

Позднее, когда Ф... весть заела. Меня о... и пустил пулю в лоб... игрывал героико-тра... гвардия» и на ее фоне... гой вождь, родной и...

Гулька Могиладзе (игравший в фильме Жору Артюнянца) с присущим ему акцентом сказал со сцены: «Я рад, что нашим фильмом мы воспитываем молодежь в духе патриотизма», но из-за акцента у него получилось: «В духе педриотизма» — «В каком духе?» — ехидно спросил Сергей Гурзо. «В духе педриотизма», — гордо ответил Гулька. Сидевшие на сцене молодогвардейцы приснули от смеха. Когда после встречи Гулька узнал причину нашего смеха, он ужаснулся: «Вай-вай, как меня подводит мой акцент», на что Моргунов его припугнул: «Могут за это и арестовать. Тебе, Гулька, сниматься теперь только в немом кино».

На мою маму «молодогвардейцы», недавние студенты, смотрели как на благотворительницу. У кого-то появилось теплое кашне, новые ботинки, а у меня, Гурзо и Моргунова — по новой меховой шапке, и Женька острил: «Твоя маманя — человек, всем нам дала по шапке».

Когда не удавалось собрать достаточного количества выступающих, Женька выталкивал меня на сцену, выдавая за второго режиссера, и я, листавший накануне роман Фадеева, старательно пересказывал якобы не вошедшие в фильм эпизоды. Да так, что зрители и «молодогвардейцы» слушали меня, раскрыв рты. Довольный Женька показывал большой палец: давай, мол, давай, тяни время... И я тянул, как мог, зарабатывая свой червонец.

Наступил день, сильно взволновавший создателей фильма «Молодая гвардия». Некоторые жители Краснодона утверждали, что автор романа Александр Фадеев, а следом за ним и постановщик фильма Сергей Герасимов значительно исказили историю «Молодой гвардии». Герасимов защищал Фадеева, мол, в художественном произведении автор вправе обращаться с фактами по своему усмотрению ради достижения творческого замысла.

И ничего удивительно в том не было. Всем известно, что князь Болконский не был адъютантом у Кутузова, и не опекал Гриневу Пугачев-разбойник, но, тем не менее, и «Капитанская дочка», и «Война и мир» сделались классикой и духовным достоянием не только российской, но и мировой литературы. И в действительности Стахович, которого играл Евгений Моргунов, не был предателем, и вообще не было такого персонажа. Фадеев сложил две фамилии: Стахов и Климович. Что же касается партийного секретаря Валько (героя Бондарчука), то его вообще не было в первом варианте романа, и он был введен в него позднее по указке ЦК партии.

Позднее, когда Фадеев застрелился, Моргунов мрачно острил: «Советская заела. Меня оклеветали. Мой Стахович не предатель, вот автор и пустил пулю в лоб». При случае Женька садился за рояль, бравадно наигрывал героико-трагическую музыку Шостаковича из фильма «Молодая гвардия» и на ее фоне торжественно восклицал: «Да здравствует наш дорогой вождь, родной и любимый товарищ Ста... Ста... Ста-хович!»

46

Шуточное фото.
«Моргунов
с булавой» —
студент ВГИКа.

Мечтал играть
героев,
Пока не
расталстел,
Зависим мы
порою
От веса наших
тел...

Мой сосед по
незаурядной. Мои
мгновенно меняв
ный на необычны
денном позвоноч
наступала» спино

Бывало, в мор
тье. Мог на спор
ди Маяковского д
ных машин. Прои
фотоувеличение
ва». Любимыми к
Бендер. Не расст
в нахватку мог сра
экспедиций в каче
менем зав. управл
рафии по хоз. час

А когда появи
воскликнули: «Ну
сходство было не

Но это все —
ки благодаря воз
площадке. Как-то
Василия Блаженн
давности. Оказало
можно было под
уже были там.

Мужчинам пр
щинам надевали
сапожки. Примеча
ли мы ездить вер
как Вовка выпали

МЫ МОЖЕМ ВСЕ

Мой сосед по бронебашне, друг-приятель, Вовка Саунин был личностью незаурядной. Меня много интриговали его охорно бегущие глаза и жимика, мгновенно менявшая выражение лица. Непокротивый в разговоре, способный на необычные проделки, он безобидно сообщал о ранении — переломе поясничного позвонка: эх, жол, случилось, когда наша армия «победно наступала» спиной вперед...

Бывало, в морозную лужу рассказывал по Москве в старинном каноте. Мог на спор пройти в одних трусах по улице Горького от площади Маяковского до Пушкинской... После войны стал механиком швейных машин. Прошел пешком пол-России, собирая в глубинке заказы на фотоувеличение портретов. Был мастером китобойной фастаплин «Слеза». Любимыми книжками перьями были у него Мартин Иден и «Оскар Бандер. Не расставался с энциклопедическим словарем и «эрудитией» в захватку мог сразить кого угодно... После китобойной эпопеи и научных экспедиций в качестве младшего НС окончил Плехинковский и стал со временем зав. управлением Государственного комитета СССР по кинематографии по хол. части, что подтверждает визитка.

А когда появились фильмы с Челентано, знавшие Вовку невольно восклицали: «Ну, почно — наш Саунин!» И впрямь, внешне и манерами сходство было необыкновенное.

Но это все — значительно позднее, а в майские послевоенные денечки благодаря вездесущему Саунину я впервые оказался на съемочной площадке. Как-то шастая по городу, он увидел в «Зарядье» на храме Василия Блаженного странное скопление людей в нарядах столетней давности. Оказалось — шла съемка фильма «Приданое с венецианом», где можно было подзаработать, участвуя в массовых сценах. Наказание мы уже были там.

Мужчинам приклеивали усы и бороды, обряжали в кафланы, женщинам надевали кружевные кокошники, бархатные накидки, вышитые сапожки. Присмотрев нас, корявый помощник режиссера спросил, не умеем ли мы ездить верхом? Нужны молодые гусары. Не успел я открыть рта, как Вовка выпалил: «Конечно, умеем. Мы можем все» — «Кло такие? От-

САУНИН
ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

Заместитель управляющего
делами Государственного комитета СССР
по кинематографии

Москва, Мал. Гнездиковский, 7

тел. 229-77-76

куда?» — «Из циркового училища», — брякнул Саунин. И в доказательство сделал корявую стойку на руках. «Порядок!» — крикнул помреж и велел нарядить нас гусарами. Хороши мы были в гусарском обличии — в высоких фуражках с пушистыми белыми киверами! Подвели лошадей. Я вздрогнул — ни разу не ездил верхом, Вовка же мигом оказался в седле — ездил в деревне верхом. Настал мой черед. Казалось — спасения нет! Но оно пришло в виде белого облачка, закрывшего солнце. «Переждем облако», — откинулся от кинокамеры оператор. Стали пережидать... А за облачком из-за Блаженного выползла тучка, за тучкой — туча...

Тем временем солнце ушло за Спасскую башню, съемку отменили. Я с радостью скинул гусарский наряд. А Вовка был в полном смысле — на коне! Упросил меня, чтобы я завтра взял на съемку фотоаппарат и щелкнул его в гусарском одеянии. Будет чем похвастаться перед друзьями и подружками.

На следующий день мы с фотоаппаратом явились в «Зарядье», но съемочной площадки как не бывало... То ли причиной была пасмурная погода, то ли еще что, однако получалось, что накануне мы даром проторчали здесь целый день.

А где же обещанные нам червонцы за трюковую съемку на лошадях? Выходит, нас надули? Но не таков был мой Вовка! Он помчался на киностудию, прорвался через проходную и, устроив скандал, нашел того помрежа — в результате получил от него какие-то бумажонки — квитанции на оплату гусарского эпизода. Тот, вспомнив, что мы из «циркового училища», спросил: «Слушайте, циркачи, а не умеете ли вы ходить на ходулях?» Для съемок народного гуляния, в честь победы над Наполеоном, нужны были ряженные, скоморохи и балагуры на ходулях. «Можем и на ходулях! Все можем!» — не задумываясь, сказал Вовка. — «Можем на двух и трехметровых. Где ходули?»

И вот уже с недельными пропусками на студию мы в столярной мастерской с видом знатоков делаем мастерам чертеж и даем инструкции по изготовлению трехметровых ходуль с креплениями для ног. И через день, получив по паре ходуль, мы метались с ними по студии, ища укромное место, где могли бы попробовать встать на эти чертовы ходули!

Нашли место за деревьями у студийной ограды. Прикрутив ремнями ходули к ногам, мы кое-как двигались на них вдоль стены, готовые перемахнуть через нее и — ходу домой... Но отступать было поздно — нам уже пошили длиннющие пестрые штаны, яркие куртки с большими пуговицами и колпаки (фильм был цветной). А через неделю мы уже вышагивали по павильонам, с высоты поглядывая на известных артистов, вызывая веселое удивление у «адмирала Нахимова», «Суворова» и других исторических личностей.

А когда из гримерной вышел, посасывая трубку, чистенький плакатный «Сталин», все примолкли, уступая ему дорогу. Вовка с высоты своего положения «торжественно» воскликнул: «Да здравствует товарищ Сталин!». «Вождь» приветливо кивнул. Раздались аплодисменты... И вдруг все замерло — появился «Гитлер»! И в полной тишине прозвенел озорной Вовкин выкрик: «Хайль, Гитлер!» На что «фюрер» преспокойно ответил: «Пошел на хуй...»

Прослышав
мне: «А твой С
ответил он, —

Прослышав об этой выходке, Женька Моргунов, студент ВГИКа, сказал мне: «А твой Саунин с полным закидоном». — «А ты?» — «Я — иногда», — ответил он, — А Саунин — всегда».

Саунин при
выходке

ПОРТРЕТЫ

Саунин любил ошарашивать новостями. Ошарашил и на этот раз, предъявив удостоверение, где говорилось, что он не просто Саунин, а уполномоченный комбината художественных изделий Моспромкооперации. Мы, конечно, сострили: «Саунин — упал намоченный». Документ утверждал, что «тов. Саунин Владимир Николаевич командирован на сбор фотооригиналов для их увеличения, что уполномоченный пользуется правом заключения авансовых договоров с заказчиками и окончательного расчета при выполнении заказа». Документ был с печатью и подписями директора и главбуха комбината. «Вот это — телега!» — ахали мы. Саунин поместил ее в красную корочку. Ни дать, ни взять — сотрудник солидной Московской конторы!..

А через месяц наш «Упал-намоченный» вернулся, словно сказочный Иванушка, выпрыгнувший из кипящего котла, одетый во все новенькое, обветренный, загорелый, с озорным блеском в глазах!.. Красная корочка сработала отлично, да и трудяга Вовка был отменный. Забрался в заволжскую глубинку, добыл массу заказов на фотоувеличение, завалил ими московских лаборантов и ретушеров, вновь покинул столицу с рюкзаком, набитым портретами, и вернулся с пустым рюкзаком, но с нагрудной торбой, полной дензнаков.

Вскоре таким же удостоверением обзавелся и пижон Борька Ершов, забыв дорогу на свой номерной радиозавод.

Через месяц наш Боря был подобен манекену с витрины Мосторга! На зависть друзьям, что в ту пору одевались по народному принципу «что нашел, в том и пошел». Втянули Вовка и Борька и меня в свое «портретное» дело, с условием, что возьму с собой мой маленький аккордеон. Саунин представил меня своей начальнице: «А это — наш третий напарник. Сын пионера Павлика Морозова».

Работа у меня была не пыльная — беречь в избе, где останавливались на ночлег, готовую продукцию, а, главное — выручку! И когда я под вечер, сидя на крылечке, наигрывал модные мотивчики из «Девушки моей мечты» или «Серенады солнечной долины», к избе стягивалась вся деревня. Мужиков-то и парней было раз, два и обчелся; и девушки и молодые танцевали друг с другом.

Постепенно нашей музыкальной приманке мы придали рекламный смысл. Сидя на плечах, то у Борьки, то у Вовки, которые носили меня вдоль деревни, я, наигрывая на аккордеоне, распевал частушки:

Молодухи и старухи,
Все кто нынче занемог,
Все, кто в духе, кто не в духе —
К нам спешите со всех ног!

ПРИПЕВ: (пели хором):
Обеспечим на поверку
Жизни улучшение,

Если сдашь у
На увеличении

В дружбе с ва
Скажем: «Ден
С увеличенны
Жить в колхо

ПРИПЕВ: Об
Жизни улучш
Если сдашь у
На увеличени

(Не обошли н
Ты портрето
Оборону всей
На три букв
Поджигателе

ПРИПЕВ: Об
Жизни улучш
Если сдашь у
На увеличени

Результат, ка
градом! А если
нуж из рамки, ви
фотографию, он
производил как
нуж на ручной к
дет в полную не
непрерывно пер
охла — нет, мо
ную фуражку ил
шарф? Бант? Ка
разцы — портре
сил», — сокруш
кам-правнукам!
пошел в ейтой р

«Наденем на
орденах-медалях
«Да не было у н
«Была». — «А что
Пусть внуки гор

А при раздаче
няли: похож — н
у Вовки был жел
Вот и вы за эти г
трудилась велик
денег — конфис

Если сдашь удостоверение
На увеличение.

В дружбе с вашим сельсоветом,
Скажем: «Денег не жалеи,
С увеличенным портретом
Жить в колхозе веселей».

ПРИПЕВ: Обеспечим на поверку
Жизни улучшение,
Если сдашь удостоверение
На увеличение.

(Не обошли вниманием и международную тематику)
Ты портретом укрепляешь
Оборону всей страны —
На три буквы посылаешь
Поджигателей войны!

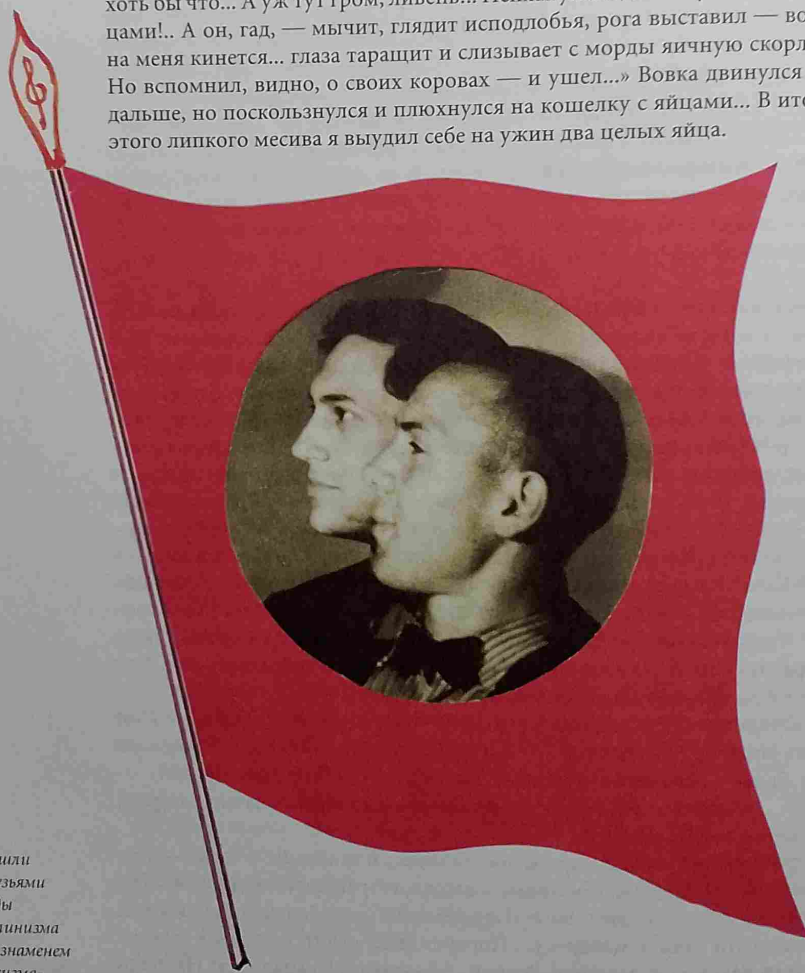
ПРИПЕВ: Обеспечим на поверку
Жизни улучшение,
Если сдашь удостоверение
На увеличение!

Результат, как говорится, превзошел ожидания — заказы посыпались градом! А если не сыпались, Вовка добывал их весьма своеобразно. Вынув из рамки, висевшей на стене или стоявшей на комод, пожелтевшую фотографию, он с видом знатока (для дела!) разглядывал ее через лупу, производил какие-то вычисления на логарифмической линейке и, глянув на ручной компас, уверял обладателя карточки, что она вскоре придет в полную негодность и что ее необходимо сохранить для потомков — непременно переснять и увеличить. Какая-нибудь старушенция ахала-охала — нет, мол, денег... Но Вовка гнул свое: «Наденем на голову шикарную фуражку или — шляпу. Можно — папаху, как у Чапаева. На шею — шарф? Бант? Кашне? Вместо телогрейки — шубу!» Вовка показывал образцы — портреты принаряженных людей. «Да он никогда такого и не носил», — сокрушались вокруг. «Ничего, теперь — поносит, на радость внукам-правнукам!» — «Какой, поносит? Его уж теперь и в живых нет. Как пошел в ейтой рубаше на фонт, так и не вернулся...»

«Наденем на него парадный китель! — не унимался Саунин. — При орденах-медалях. По червонцу за орден. Можно и Звезду Героя!» — «Да не было у него этого. Погиб, и все тут...» — «Похоронка была?» — «Была». — «А что там написано? Погиб смертью храбрых, значит — герой! Пусть внуки гордятся!»

А при раздаче готовых портретов случались и скандалы — долго выясняли: похож — не похож? Собирались соседи, устраивали консилиум... Тут у Вовки был железный аргумент: «Со временем человек внешне меняется. Вот и вы за эти годы изменились... Портрет денег стоит, над ним в Москве трудились великие художники Репкин, Айвазович, Кукраник! Не дашь денег — конфискуем козу, корову, а то и всю избу!»

«Тогда, — Вовка рассказывал, потешаясь над собой, — я засадил яйцом ему прямо в лоб! Бык ни с места... Я в него другим яйцом, третьим... Бык хоть бы что... А уж тут гром, ливень!.. Психанул я и давай лупить в него яйцами!.. А он, гад, — мычит, глядит исподлобья, рога выставил — вот-вот на меня кинется... глаза тарачит и слизывает с морды яичную скорлупу... Но вспомнил, видно, о своих коровах — и ушел...» Вовка двинулся было дальше, но поскользнулся и плюхнулся на кошелку с яйцами... В итоге из этого липкого месива я выудил себе на ужин два целых яйца.

Мы шли
с друзьями
в годы
сталинизма
Под знаменем
Куксизма-
Саунизма!

Застав в
самовар. «Во

ПОБЕДИТЕЛЬ

Однажды довелось мне выбираться из сельского захолустья в одиночку. Надо было поскорей доставить в Москву набранные фотообразы. Пришлось к станции топать пешком верст тридцать степными тропами и лесными просеками. И в какой-то тихой деревушке вижу сидящего на завалинке у избы ладного русого молодца в линиялой гимнастерке с ленточкой о ранении, мастерающего игрушечную легковушку, похожую на «виллис», для своих малолетних пацанов, возившихся поблизости в песке. Отложив машинку, он подозвал меня.

Прослышав, с чем я заявился, он решил сделать заказ на увеличение. Мы вошли в избу. На комод, рядом со старым баяном, красовался новенький аккордеон марки «Хонер». «Сбили мы с них гонор. Трофейный, — пояснил хозяин. И кивнул на фотографию, стоявшую между баяном и аккордеоном. — Вот хочу увеличить».

Я глянул на снимок и обомлел: на переднем сидении штабного «виллиса» сидел улыбающийся не кто-нибудь, а знаменитый маршал Рокоссовский! А рядом, за баранкой, в лихо сдвинутой на бок пилотке — хозяин избы, при наградах, с гвардейскими усами. «Узнаешь маршала?» — «Еще бы! А вас не очень. Куда усы делись?» — «Жена велела сбрить. Какой, мол, был, такой и мил, — и подмигнул по-свойски, — целоваться, мол, щекотно... Значит, из Москвы? Да и я кой-чего повидал. Пол-Европы на «виллисе» исколесил. К союзникам в гости ездили. А как-то заночевал я в одном особнячке. Вилла что твой замок с башнями да шпилями. Хозяин — важный бюргер. Горница с камином. По-ихнему гайстциммер. В ванной по стенам блестящий камень, ну как у вас в метро! Народ ихний бедствует, а у него в подполе — ветчина, колбасы, консервы... Виски, бренди — поживился у союзничков на черном рынке... Да и мы не нищие. Положил я на стол наше сальце, поставил горилку, а как развернул свой баян, сыграл да спел нашу «Землянку» да «Катюшу» — жену мою Катей зовут... дочь хозяйская Урсула, фройляйн первый класс, прилипла ко мне взглядом — не оторвешь! Ее фатер потом спрашивает: «Вас ист дас, Иоган? Что ты с моей дочкой сделал?» — «Ничего, — говорю, — пока не сделал. Это ты ее такой сделал...» Она мне все Марику Рокк заводила: «Ин дер нахт алле менчен махте либен...» Сама ночью пришла. Говорит: «Ты победитель».

Да, загостился я у них... Спасибо маршалу — помог демобилизоваться. Веришь — нет? — пулей домой прилетел». — «От такой-то жизни! От Урсулы?» — изумился я. «А что мне ее «либен»? У меня дома свой магнит. Вон, видишь, воду несет...» Я глянул в окно. По узкой тропинке, плавно ступая, раскинув руки по коромыслу, шла к избе статная босоногая красавица. «И вон еще два белобрысых магнитика в песке копошатся». Честно говоря, мне, тогда двадцатилетнему парню, не очень-то понятны были его откровения. Променять маршальский «виллис», фройляйн Урсулу с ее «ин дер нахт», особнячком со шпилями, ванной и камином на эту избенку?..

Застав в семье гостя, радушная ясноглазая хозяйка принялась ставить самовар. «Вот, Катюша, — сказал он, — хочу отдать фотку в Москву на

одкопил денег... Иная бабка
избы довольствовался крынкой
говал три десятка яиц. Уложил их
до избы, где я его ожидал на ноче-
два. Вечерело. Заморосил дождь,
сь есть. Выпил одно яйцо, другое,
оров. Стадо прошло, а на тропе
и — кругом заросли высоченной

сь над собой, — я засадил яйцом
го другим яйцом, третьим... Бык
ханул я и давай лупить в него яй-
длобья, рога выставил — вот-вот
вает с морды яичную скорлупу...
и ушел...» Вовка двинулся было
на кошелку с яйцами... В итоге из
кин два целых яйца.

увеличение. А что? Закажу сразу с десяток! Всем родичам пошлем!» — «Ну и дурак же ты, Ваня, — сказала она беззлобно, — такую фотку из дома выпускать? А парень уснет на станции или в поезде, сумку с твоим маршалом упрут, и ищи-свищи...» — «И то верно, — согласился он, — ведь маршал мне не только аккордеон подарил, но и настоящую цейсовскую «лейку» с увеличителем и всеми причиндалами. Сказал: осваивай, мол, на досуге новую профессию. А что? Освою и сам увеличу». Выпив наспех чайку, я зашагал к станции, надеясь засветло добраться до нее. «Эх, — думал я, шагая корявым проселком, — не удалось получить уникальный заказ. Сорвалась рыбка с крючка, не простая — золотая! Вот было бы чем перед московскими дружками щегольнуть! А вообще-то Ваня верно сделал, что не отдал мне той фотографии. Я б на его месте ни за что б не отдал!»

ТРИ ТЮРЬМЫ

Тем временем сыскной аппарат работал четко... И «самый справедливый» в мире советский суд влепил маме ни за что, ни про что пять лет лишения свободы. До отправки из Москвы мама побывала в трех тюрьмах: В Матросской тишине, в Бутырке и в пересыльной на Пресне. Когда наконец было получено разрешение на передачу и свидание, первым из моих друзей вызвался меня сопровождать Вовка Саунин. Со знанием дела он помог мне составлять передачу: «Чай, мыло, сахар... колбасу — копченую. Вареную не надо. Лето, жара — испортится». Все-то он знал!

Свидание про-
двумя решетками
ключенные, я не с
сразу находили св
моя и не моя, при
прохаживались м
притихшая — в с
го выбились при
Сынок?» У меня п
бодно: «Софья Як
А вы там не тушу
тушующься». Охрани
зом никто никому
лению, Вовка до
они, а он тут был
Когда он требовал
заводился: «Я пси
тебе нос, и ничего
вал ему любую бу
В зале свидани
тивном случае пр
рыдания одних, за
мочь глуховатому
нести очередное
зеки и посетители
Да и можно ли был
Раздался сигнал в
крикнул охранник
Следующее сви
надо было подать
в подворотне выс
ли паспорта и чер
двор. Это была н
продуктовой пала
тут же стали поку
отпускалось в стр
на лавочке, обняв
приободрила. Я р
на «Мосфильм» и
Не гнушаясь разг
манских киностуд

«Как же с дальн
зования ни на како
Получасовое св
и малость струхну
браться б отсюда
докажи, что ты не з

ем родичам пошлем!» —
о, — такую фотку из дома
езде, сумку с твоим мар-
— согласился он, — ведь
и настоящую цейсовскую
Сказал: освайвай, мол, на
личу». Выпив наспех чай-
сья до нее. «Эх, — думал
учить уникальный заказ.
я! Вот было бы чем перед
го Ваня верно сделал, что
и за что б не отдал!»

ко... И «самый справедли-
что, ни про что пять лет
побывала в трех тюрьмах:
ой на Пресне. Когда нако-
видание, первым из моих
ин. Со знанием дела он по-
ар... колбасу — копченую.
е-то он знал!

Свидание происходило в продолговатом помещении, разделенном двумя решетками, между которыми ходил охранник. Когда появились заключенные, я не сразу среди них узнал маму! Другие посетители тоже не сразу находили своих. И вот за двумя решетками предо мной моя мама — моя и не моя, принадлежащая не мне, а этим чужим грубым людям, что прохаживались между нами... А мама — не бойкая, как всегда, а какая-то притихшая — в сером полушалке, брошенном на голову, из-под которого выбились прихваченные сединой волосы. «Ну, как ты там без меня? Сынок?» У меня пересохло в горле, забылись все слова... Вовка ответил бодро: «Софья Яковлевна, не волнуйтесь, мы тут его в обиду не дадим. А вы там не тушуйтесь». Смахнув слезу, мама кисло улыбнулась: «Я не тушуюсь». Охранники строго следили, чтоб каким-нибудь хитрым образом никто никому не передал что-нибудь недозволенное. К моему удивлению, Вовка довольно бойко общался с охранниками, словно не они, а он тут был главный. (Он вообще недолюбливал начальство. Когда он требовал от упрямого чиновника какое-то разрешение, нередко заводился: «Я псих, инвалид войны! Кровь мешками проливал! Откушу тебе нос, и ничего мне не будет!» И чиновник дрожащей рукой подписывал ему любую бумагу!)

В зале свиданий требовали громко не переговариваться, грозя в противном случае прервать свидание. Но то тут, то там возникали громкие рыдания одних, затрудняя переговоры других. Кто-то из зеков орал во всю мочь глуховатому старцу, приложившему руку к уху, куда тому следует нести очередное прошение о помиловании или пересмотре дела. А иные зеки и посетители лишь молча глядели друг на друга, вытирая слезы... Да и можно ли было в такой обстановке наговориться за несколько минут! Раздался сигнал вроде автомобильного гудка. «Свидание окончено!» — крикнул охранник.

Следующее свидание было в Бутырке. В назначенный день (сначала надо было подать прошение о свидании и с месяц ждать разрешения) в подворотне выстроилась очередь человек 15-20. По списку отобрали паспорта и через железную калитку впустили и нас в тюремный двор. Это была небольшая площадка с несколькими скамейками и продуктовой палаткой. На принесенные с воли деньги заключенные тут же стали покупать сухари, печенье, мыло, курево и прочее, — все отпускалось в строго ограниченном количестве. Мы сидели с мамой на лавочке, обнявшись. День был солнечный, и наша встреча маму приободрила. Я рассказал, как зарабатываем с Вовкой денежки, бегая на «Мосфильм» и «Детфильм» для участия в массовках и групповках. Не гнушаясь разгрузки товарных вагонов с кинооборудованием Германских киностудий.

«Как же с дальнейшей учебой? — спросила мама. — Без высшего образования ни на какой лошади далеко не уедешь».

Получасовое свидание пролетело, как мгновение. Я огляделся вокруг и малость струхнул — охрана, тюремные корпуса, высокие стены... Выбраться б отсюда подобра-поздорову! Паспорта при входе отобрали — докажи, что ты не заключенный!..

...Идя от Бутырки к Пресне, вспомнил: именно этим путем шла Толстовская Катюша Маслова (из «Воскресенья») к Пересыльной тюрьме... И точно — следующей маминой обителью стала Пресненская пересылка. Сырой зимой передача заключенным принималась в небольшом досчатом помещении. Была там жуткая толчея. Сдав передачу, можно было дожидаться ответной записки. Дожидались этого часа два, переминаясь с ноги на ногу, сидя на корточках, а то и лежа вповалку на цементном полу. Ждали, когда тюремщики выкрикнут твою фамилию, и получишь ответное письмецо. А уж какая там была духотища! Спертый, кислый, овчинно-махорочный дух — дух матушки России, что стоял тогда в переполненных вокзалах, теплушках — всюду, где скапливалось огромное количество людей...

Где-то у Ахматовой описано то самое помещение на Пересылке, когда она — величайшая поэтесса эпохи — маялась в такой же очереди, сдавая сыну передачу. Чтоб не обалдеть окончательно от невыносимой затхлости, я время от времени выбирался из помещения, упросив кого-то, чтоб мне сообщили, если выкрикнут мою фамилию. В густых сумерках, спотыкаясь о рельсы (вагоны подавались прямо к тюрьме), обходил зловещее здание, черневшее на фоне серого неба, с рядами тускло светившихся окон. В каком же из них томится моя несчастная мама? Отнятая у меня на целых пять лет!

Из Карагандинских лагерей в потрепанной тетрадке она привезла песни «оттуда». Так уж, видно, устроен человек — когда совсем плохо, одна отрада — песня:

ПОЛОСКА СИНЯЯ

Здесь от тоски невольно запоешь,
Как будто душу этим отогреешь.
И вечно страшно, что в тюрьме
помрешь,
А не помрешь, так с горя поседеешь.

И день и ночь конвойные орут,
Тебя последним словом обзывая,
Когда в кормушку найку подадут,
Ее ты ешь, слезами обливая.

За ослушанье карцером грозят,
И на прогулку еле ковыляешь,
И по привычке, руки взяв назад,
Усталый взгляд послушно опускаешь.

А вдруг споткнешься — ноги подведут,
Из строя вырвут, будто бы клещами,
И знай, уж точно, в камеру придут,
В холодный карцер отведут с вещами.

Проснусь на па...
За что ж така...
И лишь полоска...
Напомнит мне...

Я ждал, как пра...
И вот не знаю с...
В глазах заплак...
Кричат: «Свид...
А забтра по ут...
Этап погонят н...
И где-то в шах...
Постель послед...

Куда ни посмот...
И всюду — тюр...
Ох, как мне охо...
Ой, как же хоч...
Вот новый эта...
По камерам кри...
«Эй, братцы, ...
Сказали: «Узна...
В товарных ми...
Вдруг поезд, к...
Кругом лес, бол...
Нам рыть при...
Мы рыли в доз...
Дорога речная...
Героям-чекисп...
Нам — найка...

*Проснусь на нарах — иней на стене...
За что ж такая мне досталась доля!
И лишь полоска синяя в окне
Напомнит мне, что есть на свете воля.*

СВИДАНИЕ

*Я ждал, как праздника, с тобой свидания,
И вот не знаю с чего начать...
В глазах заплаканных одно страдание...
Кричат: «Свидание пора кончать!»*

*А завтра по утру покинем камеры,
Этап погонят нас на Воркуту...
И где-то в шахте там, под небом каменным,
Постель последнюю я обрету...*

КУДА УГОНЯЮТ?

*Куда ни помотришь — решетки,
И всюду — тюремный конвой...
Ох, как мне охота на волю,
Ой, как же хочу я домой!*

*Вот новый этап назначают,
По камерам крики и гам...
«Эй, братцы, куда угоняют?»
Сказали: «Узнаете там».*

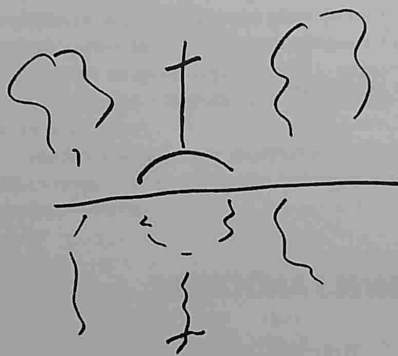
*В товарных мы ехали долго,
Вдруг поезд, как вкопанный, встал,
Кругом лес, болота и Волга...
Нам рыть приказали канал.*

*Мы рыли в дожди, снегопады —
Дорога речная легла,
Героям-чекистам — награды,
Нам — пайка двойная была.*

*Дорога на смерть обреченных,
Над ней не поют соловьи,
Она на костях заключенных,
Где камушек каждый в крови.*

Однажды летом довелось мне проплыть по каналу Москва — Волга на комфортабельном теплоходе. Радиодикторша вкрадчивым голосом сообщила пассажирам, что чернеющий на холме тонкий высокий крест — памятник жертвам репрессий, погибшим на строительстве канала. Заглушая ее сообщение, кто-то, любуясь отраженным в воде алым закатом, торжественно произнес: «Ах, какая красота!» «Красота», — подумал я и тихонько пропел: «Она на костях заключенных, где камушек каждый в крови...» Благодушно настроенные туристы недовольно глянули на меня.

Август
2005 года.
Рисунок по
памяти Л.К.

ДУГЛАС-ВАСЯ

С сыном кинорежиссера Григория Васильевича Александрова, Дугласом, я познакомился на съемках фильма «Встреча на Эльбе», где мы изображали американских офицеров. Он, будучи студентом сценарного факультета ВГИКа, с папиного позволения подрабатывал на Мосфильме в массовках. Я к тому времени стал сотрудником мосфильмовской много-тиражки.

Дугласом Григорий Васильевич назвал сына в память о дружеских встречах с голливудской звездой 20-30-х годов Дугласом Фербенксом.

Ассистент режиссера постарался и «американские» офицеры были как на подбор — видные, ладные, статные, с соответствующими физиономиями: Игорь Петров из Театра Красной Армии, Коля Прокопович из Камерного, Дуглас и другие.

В свободные минуты мы дружной стайкой шастали по студии, потешая друг друга анекдотами и всякими розыгрышами.

Дуглас охотно п...
табличек, и на двер...
ри мужского — «Ж...
Результата пришло...
и криками — муж...
назад под возмуще...
за дверью с буквой...
ную справедливост...
Чепцов — парторг...
ли-вых студентов...
ась иностранцино...
Мы, войдя в образ

По большому...
мы разъезжали в н...
ли бутылками, жу...
изображая лихих...
швыривали солда...
пьянке на буфетно...
кружкой пива (со...
дители (в лице Бо...

Для этой сцен...
«Янки-дудль» Евге...
реева, осуждая со...

«Ворвался в гор...
Красив, как на...
Румян, высок, в...
Жевательной р...

«Встреча на
Эльбе» (Бьют
негра). Леонид
Куксо следит.

Дуглас охотно принял участие в моей проделке с заменой туалетных табличек, и на двери женского туалета появилась табличка «М», на двери мужского — «Ж». В предвкушении результата мы отошли в сторонку. Результата пришлось ждать недолго. Началась дикая путаница с визгами и криками — мужчины, войдя к женщинам, изумленные выскакивали назад под возмущенные женские визги, а кинодивы и дамы, скрывшись за дверью с буквой «Ж», вылетали оттуда в полном недоумении... Туалетную справедливость важно восстановил однокурсник Дугласа Славка Чепцов — парторг факультета (впоследствии заложивший многих талантливых студентов... Вызывали куда следует и Дугласа за то, что он, увлекаясь иностранщиной, коллекционировал зарубежные спичечные коробки). Мы, войдя в образ «американских» офицеров, надуррачились вдоволь.

По большому задымленному павильону на фоне готических зданий мы разъезжали в настоящем «Виллисе», по заданию режиссера размахивали бутылками, жуя воображаемую жвачку, и нагло улыбались в объектив, изображая лихих оккупантов. Далее был эпизод, когда из бара янки вышвыривали солдата негра и пинали его ногами. И захмелевшие янки по пьянке на буфетной стойке били степ под музыку... Шостаковича! В баре за кружкой пива (согласно сценарию) оказались и советские воины-освободители (в лице Бориса Андреева и других).

Для этой сцены на мотив известного американского военного марша «Янки-дудль» Евгений Долматовский написал текст. И герой Бориса Андреева, осуждая союзников, пел:

*«Ворвался в город янки-дудль
Красив, как на картинке,
Румян, высок, во рту кусок
Жевательной резинки».*

В ответ американская журналистка (Орлова) и шофер-американец пели:
*«В знак счастливых перемен
 Из-за океана
 Янки-дудль — супермен
 Выручил Ивана».*

(Желают чокнуться бокалами с Иваном — Борисом Андреевым. Но Иван неумолим):

*«Янки-дудль шибко врет,
 Деньги всюду тянет,
 Обманул он свой народ,
 А нас он не обманет!»*

В апофеозе этой вакханалии упившийся янки (Э. Гарин), завернувшись в сдернутую со стола скатерть, приставлял к затылку какую-то лучистую подставку из-под вазы, с издевкой копируя статую Свободы.

Запись фонограммы этого эпизода проводилась в клубе Серафимовича. У рояля сидел сам Шостакович. Дирижировал Цфасман. Александров руководил репетицией, и все увлеченно пели куплеты, разоблачавшие агрессивных «союзников». К счастью, этого эпизода в фильме не оказалось. Дуглас рассказывал мне по секрету, что товарищ Сталин поинтересовался у отца по телефону, как идет разработка антиамериканской темы. Отец рассказал об упомянутом эпизоде, на что Сталин ответил: «Не будем ссориться с Америкой раньше времени. Как думаете?» — «Не будем, товарищ Сталин», — поспешно согласился Александров и вырезал описанный эпизод.

Довелось Дугласу сняться в фильме «Подводная лодка Т-9» в роли отважного матроса, закрывшего собой пробоину в корпусе подлодки. Хорошее, вроде, начало для актерской карьеры. Сыграл отлично. Красивый, отважный. «Нет уж, — сказал мне Дуглас, — лучше быть плохим сценаристом, чем хорошим артистом. Эпизод в несколько строчек, а на меня за три дня столько воды вылили! Говорят: выпей коньяку, согреешься. Так ведь и спиться можно. А я ж вообще непьющий. Мне этот водопад теперь по ночам снится».

Любочку (Любовь Петровну Орлову) он, шутя, называл своей приемной мамой. Ходил он далеко не в шикарном костюме. И как-то рискнул попросить у нее что-нибудь неповое из гардероба отца, благо, были одной комплекции. «Авось Любочка что-нибудь и подберет». Любочка распахнула створки длинного шкафа, где висело, как в Мосторге, множество костюмов, и сокрушенно сказала: «Ну, видишь, Дуг, каждый костюм имеет свое назначение. Этот — каждодневный, этот — для работы на студии, этот — для дома, для прогулок, в этом он ездит в министерство, этот — фестиваль-ный, этот — для дипкорпуса, а в этом мы ездим на кремлевские приемы. Я бы рада тебя выручить, но мы не шикуюем. У папы нет ни одной лишней тряпки».

Гастролируя в ленинградском цирке в клоунской группе Константина Бермана, я со своими песенными стихами зачастил в ленинградский Дом композиторов на песенную секцию. И вскоре на мои стихи написали му-

зыка Давид Прицкер, ленинградские композиторы. Оказалось, он в то время работал над фильмом «Глинка», в котором музыкой руководил Василий Васильевич. Он оживился, узнав, что я в Ленинграде. «Дуглас?» — «У меня есть знакомый сын у них напряженные, сына Дугласа». Оказалось, что в те дни шла отчаянная борьба, минало о давней драме, клонением перед Загребом стал именоваться по имени Дугласа, ролируя в Московском театре.

— А, знаешь, — сказал Дуглас, — о чем. Их группа изобрела, как-то сорвался — у него головой и стал к... И, улынувшись, — Вот откуда, — в фильме «Цирк!» — Именно, — от

ВОС
ПА

Однажды, когда жил мне пойти в Петербург. Интересно об этом рассказать. Лучше уж послушать родному артисту ишей лекторской стас народом чем мог).

Лекция действительного о нравах и при не собирались пока

Особенно запомню ков фестиваля вдру правность через не посидеть в темноте.

американец пели:

сом Андреевым. Но

Гарин), завернувшись
у какую-то лучистую
вободы.

в клубе Серафимови-
фасман. Александров
ты, разоблачавшие аг-
фильме не оказалось.
алин поинтересовался
и канской темы. Отец
н ответил: «Не будем
те?» — «Не будем, то-
андров и вырезал опи-

и лодка Т-9» в роли от-
рпусе подлюдки. Хоро-
л отлично. Красивый,
быть плохим сценарис-
рочек, а на меня за три
, согреешься. Так ведь
этот водопад теперь по

, называл своей прием-
оме. И как-то рискнул
тца, благо, были одной
ет». Любочка распахну-
орге, множество костю-
дый костюм имеет свое
боты на студии, этот —
ство, этот — фестиваль-
на кремлевские приемы.
ы нет ни одной лишней

ой группе Константина
ил в ленинградский Дом
мои стихи написали му-

зыку Давид Прицкер, Яков Феркельман, Николай Минх и другие ленин-
градские композиторы. Там неожиданно встретил я Григория Васильеви-
ча. Оказалось, он в те времена сотрудничал с кем-то из дирижеров, работая
над фильмом «Глинка» (с Орловой в роли Галли Курчи). Опыт с классичес-
кой музыкой получился неудачным, но тогда, еще веря в успех, Григорий
Васильевич был увлечен работой. Я не сдержался, пригласил его в цирк.
Он оживился, узнав, что друг его сына клоун. Я спросил: «Как поживает
Дуглас?» — «У меня нет сына Дугласа». Я опешил. Знал, что отношения
у них напряженные, да к тому же Дуг часто прихварывал. И вдруг «нет
сына Дугласа». Оказалось, что Дуглас теперь вовсе и не Дуглас, а — Вася.
В те дни шла отчаянная борьба с космополитизмом, а имя Дуглас напо-
минало о давней дружбе отца с иностранными актерами — явным пре-
клонением перед Западом. И Дуглас по велению отца по всем документам
стал именоваться по имени деда — Васей. Встретился я с «Васей», уже гаст-
ролируя в Московском цирке

— А, знаешь, — сказал Дуглас, — ведь папа тоже был когда-то цирка-
чом. Их группа изображала гладиаторов. Папа был оберманом — верхним.
Как-то сорвался — упал... внизу была скульптура льва. Отец ударился об
него головой и стал кинорежиссером!..

И, улыбнувшись, добавил: «Без всякого ВГИКа».

— Вот откуда, — понял я, — такое знание цирковой атмосферы
в фильме «Цирк!»

— Именно, — ответил Дуглас. (Винюват, «Вася».)

ВОСПИТАННИК ПАРТИИ

Однажды, когда Григорий Васильевич вернулся из Канн, Дуг предло-
жил мне пойти в Политехнический на его лекцию «Впечатление о фес-
тивале». Интересно же! «А что, — спросил я, — дома он не может тебе
об этом рассказать?» — «Любочка не очень довольна, когда прихожу.
Лучше уж послушаю родного папулю за деньги». (Лекция же ему как на-
родному артисту и лауреату Сталинских премий оплачивалась по выс-
шей лекторской ставке, так что он, по выражению Дуга, охотно делился
с народом чем мог).

Лекция действительно была интересной. Многие узнали любопыт-
ного о нравах и привычках мировых кинозвезд, о фильмах, которые нам
не собирались показывать, и так далее.

Особенно запомнился эпизод, как на прощальном банкете для участни-
ков фестиваля вдруг погас свет. В темноте сообщили, что возникшая непе-
правность через несколько минут будет устранена. Предлагалось спокойно
посидеть в темноте, послушать итальянские музыкальные шпигеры.

Когда же свет вспыхнул и умолкла музыка, было объявлено, что краткое пребывание в темноте — вовсе не авария, а небольшой киносюрприз. Благодаря новой технике только что в темноте была сделана киносъемка. И тут же все увидели себя на экране. Некоторых темнота вывела на свет Божий в полном смысле слова. Жена известного кинопродюсера оказалась в объятиях сидевшего рядом женатого актера... Раздалась смачная пощечина. Кто-то на ощупь обнаружил вазу с паюсной икрой и, загребнув ее большой ложкой, жадно отправил в рот... Элегантная кинозвезда стала пальцем ковырять в носу... И наш лектор признался: «Я сидел ни жив, ни мертв, не в силах припомнить, как вел себя в темноте». А камера приближалась ко мне... И можете себе представить (он сделал интригующую паузу), я сидел чинно и благородно, как и положено было представителю Советского Союза, как и положено было воспитаннику нашей компартии. (Он отхлебнул воду из стакана, как это делал Сталин, давая понять аудитории, что здесь должны быть аплодисменты. И зал зааплодировал). «Силен, папуля, — шепнул мне Дуглас, — предел цинизма!»

Выходя из многолюдного зала, я спросил Дуга: «Зайдешь к отцу?» — «Нет уж, поблагодарю за лекцию по телефону. Меня же партия не воспитывала...»

«КИНОЛЮБИТЕЛЬ»

Помня Ленинскую фразу о том, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино», Сталин был большим его любителем. В небольшом зале он просматривал каждый новый фильм, решая, выпустить ли его на широкий экран. Отвергнутые фильмы исправлялись либо клались на полку, иные хранятся на ней и по сей день. В фильме «Веселые ребята» он уловил американский дух. Судьбу картины решил приглашенный на просмотр, вернувшийся недавно из-за границы Максим Горький. Джаз считался «искусством толстых». Но здесь был джаз как проявление художественной самодеятельности. И пролетарский писатель изрек: «Пусть рабочие посмеются». Выручила и оптимистичная музыка Дунаевского, и тексты песен Лебедева-Кумача: «Нам песня строить и жить помогает», «Спасибо, как хорошо на свете жить!» и др.

Не в пример Эйзенштейну и Довженко, многие кинорежиссеры из всех сил старались угодить Главному кремлевскому редактору.

«Чиатурелли и Ко» фильмами типа «Клятва» лизали Сталинскую задницу в открытую, делая фальшиво-плакатные фильмы. Александров делал же это тонко, деликатно, тем и заслужил его особое расположение — тонкий подхалимаж действует надежнее. Уже в фильме 34-го года «Веселые ребята» на сцене Большого театра самодеятельные артисты во главе с Утесовым поют в стиле народных частушек... «Ведь не даром говорится — на ошибках учимся. Эх, чух-чух-чух, разгорелся наш уют»... А это была

не больше, не меньше, типичной политике с сам

Второй лизоблюдни

Во время демонстр
ка) Сталин приветливо
спрашивает у новой со
нимаешь (почему у нас
ва, захлебываясь от во
«Я другой такой страны
в разгар Сталинских ре
Балтийского канала.

А позднее в फिल्ме
вут в Москву на смотре
Сталин». И их благосло
нитного истукана, раз в

И хоть Берия неоди
риканский шпион (им
годы в Америке), Стали
с Орловой на чашку ча
самовар, и добрый хоз
и шутиливо как-то спро
вы, товарищ Сталин, п
объяснять, что это «зас
Сталин и организацией
по вкусу александровск

Режиссер для съем
ков и тысячи солдат.
вы наделали? Вы меня
столько танков и солд
танки ненастоящие, а
«Не волнуйтесь, — ска

Посмеиваясь, Стали
щие...» И, став серьезн
работникам подумать
сущность наших неда
ледствия и были созда
«Русский вопрос», «За
Эльбе»). Что было отк
ной войны.

Через пару дней у
ском чаепитии, и веду
рассказать о беседе со
сандров собрал колле
звонок, и горничная
длинном шнуре: «Гри
сандров взял трубку:
Добрый вечер, товар
сам Сталин звонит А

объявлено, что крат-
кой киносюжет.
делана киност-емка.
нота вывела на свет
копродуксера оказа-
лась смачная по-
икрой и, загребув
тая кинозвезда ста-
ся: «Я сидел ни жив,
ноте». А камера при-
делал интригующую
было представителю
у нашей компартии.
давая понять аудито-
лодировал). «Силен,

Зайдешь к отцу?» —
же партия не воспи-

ств для нас важней-
ителем. В небольшом
и, выпустить ли его
лись либо клалась на
yme «Веселые ребята»
ил приглашенный на
аксим Горький. Джаз
как проявление худо-
сатель изрек: «Пусть
музыка Дунаевского,
ть и жить помогает».

е кинорежиссеры ило
редактору.
зали Сталинскую за-
ьмы. Александров де-
обое расположение —
ьме 34-го года «Весе-
ные артисты во главе
ь недаром говорится —
и уют». А это была

не больше, не меньше, Сталинская фраза из его доклада о перегибах в пар-
тийной политике с самоосуждением, мол, на ошибках учимся.

Второй лизоблюдный реверанс был в фильме «Цирк».

Во время демонстрации на Красной площади (хроникальная встав-
ка) Сталин приветливо машет с Мавзолея героям фильма, и Райка гордо
спрашивает у новой советской гражданки Мэрион Диксон: «Теперь по-
нимаешь (почему у нас, мол, такая райская жизнь)?» И Мэрион — Орло-
ва, захлебываясь от восторга, отвечает: «Теперь понимаю». Звучит марш
«Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!». И это все
в разгар Сталинских репрессий и стронтельства заключенными Беломоро-
Балтийского канала.

А позднее в фильме «Волга, Волга» счастливые народные таланты плы-
вут в Москву на смотр самодеятельности на белом теплоходе — «Иосиф
Сталин». И их благословляет скульптура Сталина, в виде гигантского гра-
нитного истукана, раз в сто превышающая рост оригинала.

И хоть Берия неоднократно намекал Сталину, что Александров — аме-
риканский шпион (имея в виду его пребывание с Эзенштейном в 20-е
годы в Америке), Сталин благоволил Александрову и даже приглашал его
с Орловой на чашку чая... На столе (по словам Дугласа) шумел русский
самовар, и добрый хозяин расспрашивал гостей об их киножизне-бытье
и шутливо как-то спросил у Орловой: «А муж вас не обижает?» — «Что
вы, товарищ Сталин, никогда». — «А то мы можем заступиться». Надо ли
объяснять, что это «заступиться» лишило их покоя и сна. Интересовался
Сталин и организацией американского кинопроизводства. Пришелся ему
по вкусу александровский анекдот, привезенный из Голливуда:

Режиссер для съемок гигантского сражения приготовил сотни тан-
ков и тысячи солдат. Увидав это, продюсер в ужасе воскликнул: «Что
вы наделали? Вы меня разорите. Как я с этим со всем распахчусь? Зачем
столько танков и солдат?» — «Не тревожьтесь, — ответил режиссер, —
танки ненастоящие, а из фанеры». — «Но ведь солдаты-то настоящие». —
«Не волнуйтесь, — сказал режиссер, — снаряды тоже будут настоящие...»

Посмеиваясь, Сталин сказал: «Если надо, и у нас снаряды будут настоя-
щие...» И, став серьезным, добавил: «Неплохо бы нашим товарищам кино-
работникам подумать о создании фильмов, разоблачающих агрессивную
сущность наших недавних союзников». (В итоге этого замечания впо-
следствии и были созданы антиамериканские фильмы «Секретная миссия»,
«Русский вопрос», «Заговор обреченных» и уже упомянутая «Встреча на
Эльбе».) Что было откровенным предвестием начала пресловутой холо-
дной войны.

Через пару дней уже весь московский киномир проведаль о кремлев-
ском чаепитии, и ведущие режиссеры попросили Григория Васильевича
рассказать о беседе со Сталиным. Следуя сталинскому примеру, Алек-
сандров собрал коллег у самовара. В разгар беседы раздался телефонный
звонок, и горничная в наkolее поднесла к столу на подносе телефон на
длинном шнуре: «Григорий Васильевич, вам звонят из Кремля...» Алек-
сандров взял трубку: «Да, да, я, — и встал в полный рост навтыжку. —
Добрый вечер, товарищ Сталин!» Гости обалдело притихли. (Еще бы,
сам Сталин звонит Александрову!) «Как проводим вечер? Да вот, сидим,

чаевничаем с коллегами. Товарищи интересуются, о чем мы с вами беседовали... Кто интересуется?» (Каждый из сидевших у стола стал показывать на себя.) Александров стал перечислять присутствовавших: «Пырьев, Пудовкин, Юткевич, Ромм, Герасимов и другие товарищи». Назавтра уже все знали, что Александрову звонил сам товарищ Сталин! (Причем, хитро подмигнул мне Дуглас, осталось загадкой, звонил ли действительно Сталин или папин истопник?... Поди выясни). А один известный режиссер после того вечера перестал с Александровым здороваться. При встрече Григорий Васильевич спросил: «В чем дело? Почему не здороваешься?» Тот огрызнулся: «А иди ты к черту! Друг называется. Почему ты не сказал Сталину, что я тоже был у тебя в гостях? Вдруг подумает, что я специально не пришел?»

А что поделаешь, если от таких мелочей могла зависеть судьба человека! При всей подозрительности и обидчивости, Сталин был человеком незаурядных способностей, не лишенный поэтического таланта, ведь и демон был существом вдохновенным. Мало кому известно, что сценарий отличного видового фильма «Озеро Рица» был написан Сталиным. Фильм дрожащими руками снимал оператор Микоша и потом получил за него Сталинскую премию. Вождя очаровало это горное озеро, и он захотел, чтобы эту красоту увидел весь советский народ. Этот яркий цветной фильм, без упоминания имени сценариста, шел в кинотеатре «Новости дня» на Пушкинском бульваре. И мы, детвора и взрослые, бегали по нескольку раз его смотреть, зачарованные кавказским чудом! Хитрый сталинский ход: мало кому было доступно насладиться Рицей в реальности, а так — купил билет за 30 копеек, и будь счастлив, строитель коммунизма, наслаждайся. Душевный был человек: не явился на похороны матери. Неспроса о людях судят по их отношению к родителям.

...С моими долгими цирковыми гастролями я потерял Дугласа из виду, знал лишь, что он окончил ВГИК и писал сценарии документальных фильмов, думал, приеду, свидимся, заскочим, как бывало, в кафе-мороженое, а то и еще куда... И был ошеломлен известием о его тяжелой болезни и кончине. Славный он был парень — улыбчивый, открытый...

Недавно довелось мне выступить на вечере подводников, посвященном памяти экипажа «Курска», где показали фильм «Подводная лодка Т-9», в котором Дуглас сыграл матроса, смело закрывшего собой пробойину в корпусе подлодки.

ПЕРВЫЙ ГОНОРАР

На улице Неглинной в 60-70-е годы напротив ЦУМа у входа в неказистое двухэтажное здание красовалась вывеска «Мосэстрада». И вдоль дома во всю ширину тротуара (проходим не пробиться) пестрело скопление

франтоватых людей, Тут были артисты вокального гитариста дались все новости, сплывало время. Несмотря на то, что отличавший их чуждая оценка в зарубежных гастролях погофорить не с кем.

И в этой пестрой на мотив популярной Кто-то познакомил мнетом по имени Леоно тогда было модно Стек» пел не только н посещаемом интуриста сообщала сделали «ры до полуночи дрожащ «Джоне», а о той, в к зил на внутренней ст прочих странствий. I

«Мне приснились
Нежный локон зол
Но растаял мрак
Ты осталась толь

Назавтра, прочтя ту вовсе не походил лодии, и, как решил иностранцам же вооб

И вот я в нетерпе на том самом месте у дела Мерион Диксон номера (артист П. М чая с тоненьким пол тым столом сидеть н аккомпанемент мале дверях пузатый дядь нул певцу, тот соскоч Наконец-то куплю о

Но «Лео Стек», по будут заполнены как тован где-то и кто-то И тогда ресторан отч лению, там их подел в данной программе, ский гонорар...

франтоватых людей, причислявших себя к творческой эстрадной богеме. Тут были артисты всех жанров, рангов и возрастов. От полупрофессионального гитариста до эстрадной звезды первой величины. Здесь узнавались все новости, сплетни, все то, чем живут артисты в свободное от сцены время. Несмотря на то, что все старались придать своей внешности некий лоск, отличавший их от рядовых пешеходов, их стараниям была дана уничижительная оценка известного иллюзиониста Акопяна, приодевшегося в зарубежных гастролях: «У нас в «Мосэстраде» так плохо все одеваются, погофорить нэ с кем».

И в этой пестрой толчее я впервые получил заказ на написание текста на мотив популярной тогда американской песенки «Сентиментл Джонни». Кто-то познакомил меня с вежливым, набриолиненным, опрятным брюнетом по имени Лео Стек. Оказалось, его настоящее имя Лева Степанов, но тогда было модно брать иностранный псевдоним. Тем более что «Лео Стек» пел не только на мосэстрадной сцене, но и в ресторане «Националь», посещаемом интуристами. В уголке коридора он напел мне мелодию, и мы сообща сделали «рыбу» — условный набор слов. Примчавшись домой, я до полуночи дрожащей рукой делал какие-то наброски, думая вовсе не о «Джоне», а о той, в которую был отчаянно влюблен, чье изображение я возил на внутренней стенке фибрового чемоданчика во времена цирковых и прочих странствий. И вышла песня не о «Джонни», а о Лене...

*«Мне приснились голубые очи,
Нежный докон золотой.
Но растаял мрак волшебной ночи,
Ты осталась только мечтой...» (и т.д.)*

Назавтра, прочтя текст, мой заказчик ухмыльнулся. Вариант по сюжету вовсе не походил на английский текст, но весьма соответствовал мелодии, и, как решил «Лео Стек», будет по вкусу московскому слушателю, иностранцам же вообще все будет — до лампочки.

И вот я в нетерпении сижу в полупустом зале ресторана «Националь» на том самом месте у овального окна, где в известном фильме «Цирк» сидела Мерион Диксон (Орлова) со своим жестоким хозяином циркового номера (артист П. Массальский). Для приличия певец заказал мне стакан чая с тоненьким полумомтиком лимона. И велел пить не спеша — за пустым столом сидеть не положено (угощение царское!). Наконец, певец под аккомпанемент маленького джаза спел мою песню. Какой-то возникший в дверях пузатый дядька в черном костюме при бабочке одобритительно кивнул певцу, тот соскочил со сцены и даже пожал мне руку. Я был счастлив! — Наконец-то куплю осенние ботинки!

Но «Лео Стек», поздравив меня, сообщил, что гонорар я получу, когда будут заполнены какие-то рапортчики, а до того текст должен быть залинован где-то и кто-то должен будет разрешить его публичное исполнение. И тогда ресторан отчислит какие-то деньги какому-то авторскому управлению, там их поделят между авторами, чьи произведения исполнялись в данной программе, и на мой личный счет поступит положенный авторский гонорар...

И ведь действительно — поступил! Через полтора года на мое имя в ВУОАП (Всесоюзное управление по охране авторских прав) поступил гонорар в размере (запомнил на всю жизнь!) — один рубль тридцать семь копеек.

КСТАТИ...

Вспомнился рассказ Бабеля «Мой первый гонорар», где проститутка Вера выдала гонорар за его рассказ золотой монетой. Что и говорить? Вера — не ВУОАП. Она была честной проституткой.

«ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ КАПИТАН»

В послевоенные годы в Москве каким-то чудом уцелело несколько частных фотографий. В одной из них наш веселый приятель Марк (он же — Монька) работал «на добровольных началах» у своего папы — энергично-предприимчивого ворчуна Семена Марковича. Однажды Вовка Саунин принес потрясающую новость. К Марку в фотографию приходил сниматься на паспорт сам «пятнадцатилетний капитан»! — артист, который играл его в кино — Всеволод Ларионов.

Всеволод Ларионов.

И через пару д
с капитанского мост
Маркович — отец М
знаменитости може
чив все свои лампы
рядом с портрета
мира Ботвинником
верным количество
достойной кинозве

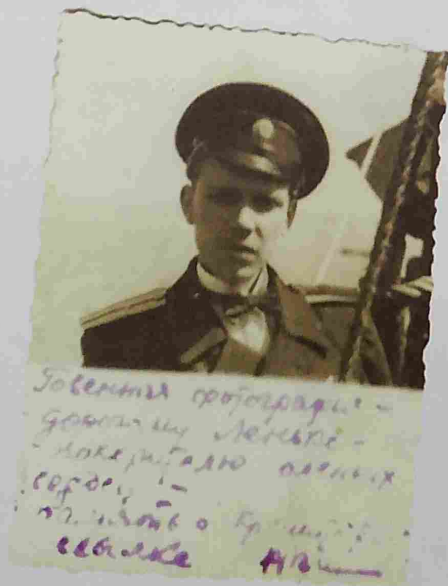
Семен Маркови
восторженные девч
в том же ателье, где
графию получать с
зался в фотографии

К моему удивле
реагировал на наш
Он тяготился обрет
вавших поклонни
оравы стал знамени

И через пару дней в крохотное ателье Либерманов, словно сойдя с капитанского мостика каравеллы, вошел жюльверновский герой! Семен Маркович — отец Марка — смекнул, что симпатичная физиономия юной знаменитости может стать неплохой рекламой его фотозаведению. И, включив все свои лампы, защелкал затворами аппаратов. И на витрине ателье, рядом с портретами известных личностей того времени, чемпионами мира Ботвинником, Смысловым, Новаком (с лентой через плечо с неизменно-верным количеством чемпионских медалей) и многих других с улыбкой, достойной кинозвезды, появился портрет Всеволода Ларионова.

Семен Маркович не ошибся, у витрины, глаза, что и дело толпились восторженные девушки, для которых было честью сфотографироваться в том же ателье, где снимался обожаемый актер. И когда тот пришел в фотографию получать свои удостоверения, я «случайно» по сигналу Марка оказался в фотографии.

К моему удивлению, Всеволод оказался робким и застенчивым, весело реагировал на наши хохмы и вскоре стал завсегдатаем нашей компании. Он тяготился обретенной популярностью и нуждался в защите от одолевавших поклонниц. А мы были польщены, что рядовым членом нашей оравы стал знаменитый «пятнадцатилетний капитан».

Вока (так называла Себу его мама) сетовал на то, что роль у него в фильме «Гибель Варяга» хреновая. Жаловался на житейскую скуку... Чтоб его развеселить, послал свое фото — верхом на парковом гипсовом олене. Ответом было это фото. Надпись на фото: «Гибельная фотография — дорогому Ленке — покорителю оленьих сердец. В память о кронштадтской ссылке.»

Вовка (как называла сына его мама) был нашим спутником на загородных пляжах, футбольных матчах на стадионе «Динамо», при дефилировании по вечернему «Эрмитажу» и, конечно, Бродвею (улице Горького). Я же, благодаря своим песенкам и стихам, заслужил его особое расположение. Он стал часто бывать у меня дома, я — у него. Мою маму радовали его приходы, его маму — мои. Она, работая помощником режиссера, кажется, в Малом театре, редко бывала дома и благосклонно отнеслась к нашей дружбе. Скоро я открыл ему свои лирические тайны, он мне — свои... Как-то буквально упростил меня, чтоб я пошел с ним в гости к его поклоннице, дочке известного художника — лауреата Сталинских премий.

Пришли в шикарные апартаменты. Оглядев respectable квартиру и приготовленное на столе угощение, я у него украдкой спросил: «А на хрена я тебе тут нужен?» Он, глядя в упор, ответил полушепотом: «Я ее боюсь...» — «Вот тебе, — подумал я, — и герой-капитан». Она пожирала его глазами, бросая в мою сторону недовольные взгляды. Она боготворила его, и рядом с портретами вождей, сделанных ее папой, стену комнаты от пола до потолка занимала реклама фильма — Дик Сенд у корабельного штурвала. (Цветная реклама, выпущенная «Экспортфильмом».) Раздобыла она такую же рекламу и для Севки, а у него дома ей нашлось место только (не удивляйтесь) на потолке. И сейчас, проходя по Брестской улице, я вглядываюсь в окна его комнатухи, на потолке которой еле умещался тот киноплакат.

...Ценил мои литературные опыты, Севка Ларионов великодушно познакомил меня с умной симпатичной девчонкой Машей Смирновой, дочкой известной киносценаристки, автора сценариев «Сельский врач», «Сельская учительница» и других. Машу интересовали мои опусы. Приглашала домой, желая познакомить с мамой. Но меня оскорбляло ее насмешливое отношение. «Как это так, — изумлялась она, — не знаешь ни Гумилева, ни Ахматову, ни Бунина». — «А откуда мне было их знать? В библиотеках и магазинах их и духу не было».

Ах, с каким наслаждением она читала мне Гумилева. До сей поры помнятся ее напевный голосок и роскошные, опьяняющие рифмы! Я-то и не знал, и не ведал, что такое возможно! Готов был слушать ее ночи напролет. Благо было где.

КВАРТИРНЫЙ КЛЮЧ

Володе Изаксону

*Когда-то друг, что жил на Бронной,
Квартирный ключ доверил мне.
Впервые выпало влюбленным
Ночь провести наедине.
Какая радость — сесть с ней рядом,
Ее ладонь к своей прижать*

70^е

И, не пугаясь чьих-то взглядов,
Самим себе принадлежать!
Чужую тишину нарушив,
Мы танцевали вальс-бостон,
Поскольку друг великодушно
Позволил слушать патефон.
Девчонка в сладком одуренье
Так неожиданно нежна,
Как будто мне на сохраненье
Судьбой доверена она.
Исчезли робкая несмелость,
Качнулась комната...
И вот
Пластинка под иглой вертелась
Пока не кончился завод...
...Окно, распахнутое в лето,
Прилив листвы... И в полусон
Вошел со свежестью рассвета
Курантов дальний перезвон...
Когда ж по городу с востока
Ударил солнца первый луч,
Мы с ней расстались...
Точно к сроку
Я возвратил владельцу ключ.
Подкинул он его небрежно,
На Бронной, солнцем залитой,
Обыкновенный ключ железный
Сверкнул, как ключик золотой!

ПОЩЕЧИНА

Я помню этот первый в жизни суд —
Стоял Адамом я при юной Еве...
Казалось, что нам головы снесут
Родители ее в священном гневе!
Чернили нас, не дав раскрыть и рта,
Не дав счастливым грешникам признаться,
Что мы уже сложили паспорта,
Надеясь завтра в ЗАГСе расписаться.
И расплатились мы за грех с лихвой
(Признаюсь, не знавал руки я жестче) —
Обоим по пощечине лихой
Отвесила нам кандидатка в тещи...

Под локоно
Отчаянна
Летит с н
Порывом в
С тех пор
Ее к моим
Вели себя,
«Ромео и Д
И вот про
Друг друга
Намного —
Намного —
Но что скр
Увесистой
Когда б не
Могла бы,

АБИ

Близилась
колько народ
приходилась
ством И. Берс
ки прошедши
друг друга —
мы с Севкой и
кортиком Юр
это Ляня Мар
жиссером, Ло
мольской «ши
Еще бы, все —
гениальная ак
абитуриенты!
хали это «заг
ми, хоть и эт
Вовка поп
новичу-Валу
ной актрисе.
и Серовой —
Моргунова «
последний ту
всех уложу. К
ным столом
Я, честно го

Под локоном пунцовая щека,
Отчаянная девичья слезинка
Летит с нее, как будто с лепестка
Порывом ветра сбитая росинка...
С тех пор родные, сколько ни звони,
Ее к моим звонкам не подпускали,
Вели себя, как будто бы они
«Ромео и Джульетты» не читали!
И вот промчались годы, и опять
Друг друга мы случайно повстречали,
Намного — больше стали понимать,
Намного — меньше чувствовать мы стали...
Но что скрывать, я был бы вновь непрочь
Увесистой пощечины добиться,
Когда б неповторимая та ночь
Могла бы, хоть однажды, повториться!

АБИТУРИЕНТЫ

Близилась пора конкурсных экзаменов в театральные студии. Поскольку народная артистка Софья Гиацинтова (жена Ивана Берсенева) приходилась Севке тетушкой, мы подали документы в театр под руководством И. Берсенева (нынешний Ленком). После того, как появились списки прошедших в первый тур, мы, молодые и счастливые, поздравляли друг друга — Леня Марков, Валера Горбачевич, Володя Гунгер, Лева Лосев, мы с Севкой и улыбчивый красавец в форме морского офицера с золотым кортиком Юра Зодиев. Впоследствии актерами стали лишь некоторые — это Леня Марков и Сева Ларионов. Горбачевич стал телевизионным режиссером, Лосев — театральным директором, Зодиев — крупной комсомольской «шишкой». Но тогда мы все мечтали лишь об актерской судьбе. Еще бы, все — юные, стройные, красавцы на подбор. Проходя мимо нас, гениальная актриса Серафима Бирман приветливо улыбнулась: «Хороши абитуриенты!» (В ту пору борьбы с космополитизмом мы впервые услышали это «заграничное» слово). Чаше поступающих называли кандидатами, хоть и это слово латинское, но «абитуриенты» были в новинку.

Вовка попал в отборочную группу к Гиацинтовой, я — к артисту Карновичу-Валуа и Ирине Всеволодовне Мурзаевой — яркой, эксцентричной актрисе. В фильме «Сердца четырех» она играла соседку Целиковской и Серовой — маникюршу и — смешную напористую казачку в фильме Моргунова «Когда казаки плачут». Два тура я прошел как по маслу. На последний тур я по совету Севки взял аккордеон. Ну, думал, сейчас я их всех уложу. И с этой геройской мыслью вошел в заветную дверь... За длинным столом восседала приемная комиссия человек в пятнадцать-двадцать. Я, честно говоря, обомлел. Передо мной сидели известные по многим

фильмам и театральным спектаклям артисты — Гиацинтова, олицетворявшая в фильме «Клятва» Родину-мать, которую Сталин целовал в голову; Берсенов, сыгравший в фильме «В горах Югославии» маршала Тито, а на сцене потрясающего Сирано де Бержерака; Соловьев — исполнитель главной роли в фильме Михаила Ромма «Мечта» и другие. И все они смотрели на меня. Пол куда-то ушел из-под ног, уж не помню, что я читал, что пел. Путая аккордеонные клавиши, мечтал лишь об одном, чтоб скорее кончилось это позорище. «Ай-яй-яй, как же вы меня подвели, — сказала потом Мурзаева. — Вы же были моей главной надеждой». И я, скикший и виноватый, стоял перед ней, не находя слов.

Я — ЦИРКАЧ!

Когда в приемной комиссии театра мне вернули документы, был ясный день, но мне казалось, что наступила вечная непроглядная ночь. А вскоре, проходя мимо типографии газеты «Труд», на сером цоколе здания я заметил небольшое зеленоватое объявление о наборе учеников в клоунскую студию заслуженного артиста республики Михаила Румянцев (Карандаша) со стипендией 500 рублей плюс 25 процентов проездных. Я глазам не поверил. Выходит, на гастролях — 750 рублей!

«Надо же, — подумал я, — Берсенов-то выхлопотал в Министерстве культуры своим студентам стипендию в 310 рублей как артистам вспомогательного состава, а тут — 750!». День посветлел, как после солнечного затмения, появилась надежда. Если примут, обеспечу маму ежемесячными посылками в карагандинские лагеря, и самому хватит и на квартплату, и на прокорм. Только бы приняли! Цирк — не театр, не кино, но тоже искусство — и какое! Неспроста о нем писали — да позволит мне читатель перечислить прекрасные имена — Чехов — «Каштанка», Бальзак — «Бакалавр и циркачка», Врубель — «За цирком», Куприн — «Белый пудель», Юрий Олеся — «Три толстяка», Лесков — «Разговор интеллигентного мужчины», Гиляровский сам был циркачом, Виктор Драгунский — «Девочка на шаре» и другие. А фильмов сколько! Фильмы о цирке снимали Антониони, Григорий Александров и, конечно, Чарли Чаплин.

Только бы приняли, только бы приняли! Документы были при мне, оставалось только переписать заявление. Обогнув здание цирка на Цветном, я вошел в дверь под вывеской «Главное управление цирков». И не ждал, не гадал, что, переступив этот порог, на многие годы окажусь в удивительном мире — мире людей уникальных, способных вновь и вновь восхищать своим древним, вечно юным искусством зрителей всех возрастов и профессий, всех стран и континентов. И не раз потом мне казалось: если когда-то прилетят к нам инопланетяне, их непременно надо будет сводить в цирк. Здесь как нигде лучше всего они узнают о возмож-

ностях землян, об их отношениях с представителями земной фауны.

Подавая документы секретарше, я поинтересовался, а много ли там клоунов? Ответила она. «А сколько их? Трех-четверых». Я ужаснулся. «Быть клоунами!?» Ия Иванова.

Несколько дней в красном театральном зале, ожидая начала своей жизни — в манеже, в цирке, акробаты, а под куполом ваю какую-то комбинацию. Одна из них — Юля Ларионова. «Когда полюбит клоун».

В первом ряду стали появляться. Первый инспектор манежа Александр Бутенко произнес: «Репетиция! Артисты быстро собрали реквизит, сбежали в манеж, в другой лучше (это был номер весело запрыгало. «Нет, уж цирка. Расшибусь в лепешку и влюбиться во всех сразу»).

В первом ряду расселись Кио, Александр Бутенко, Владимир Арнольд Григорьевич Арнольдов. Появился и сам Карандаш. Как в манеже, а седоватый, в гантном сером костюме с орденом. Кинул халатик, примостился бы они, как мне помогли.

Словно на дружеской беседе про лопнувшую ленту. Чиркова, Леонида Утесова смеялись и девчонки-гимнастки! Ну, теперь держитесь. А я еще играю на аккордеоне. Кто-то из комиссии было думать о дорожном транспорте на его гастроли в Саратов. Карандаш, — надо сразу были ошарашены, узнав, что станков, где руководил сценическим движением на режиссерский пульт у него каким-то друаком.

— Гиацинтова, олицетворяющую Сталина целовал в губы Югославии» маршала Тито, Кака; Соловьев — исполнитель «Титы» и другие. И все они смотрели, не помню, что я читал, что слышал об одном, чтоб скорее вы меня подвели, — сказала она надеждой». И я, скисший

вернули документы, был вечная непроглядная ночь. А «Труд», на сером цоколе здания, на наборе учеников — публикации Михаила Румянцев — 25 процентов проездных. — 750 рублей!

выхлопотал в Министерстве 750 рублей как артистам вспомогательным, как после солнечного обещания маме ежемесячными — ухватит и на квартплату, и на театр, не кино, но тоже искусство. И позволит мне читатель пережить танка, Бальзак — «Бакалавр» — «Белый пудель», Юрий Драгунский — «Девочка на

Документы были при мне, обогнув здание цирка на Цветном управлении цирков». И не ог, на многие годы окажусь уникальных, способных вновь искусством зрителей всех слоев. И не раз потом мне думается, их непременно надо не всего они узнают о возмож-

ностях землян, об их отваге, ловкости и смекалке, об их взаимопонимании с представителями земного животного мира.

Подавая документы симпатичной блондинке по имени Ия Ивановна, я поинтересовался, а много ли подано заявлений. «Сотни четыре», — ответила она. «А сколько Карандаш намерен принять в свою студию?» — «Трех-четверых». Я ужаснулся: «Это же сто человек на место! И все хотят быть клоунами!» Ия Ивановна кивнула на стопку бумаг: «Как видите».

Несколько дней в красном уголке цирка шло отсеивание желающих стать клоунами, с каждым туром их становилось все меньше... И вот я в числе человек двадцати, допущенных к последнему туру, сижу в цирковом зале, ожидая начала последнего экзамена. Цирк между тем живет своей жизнью — в манеже в тренировочных костюмах репетируют жонглеры, акробаты, а под куполом в длинной металлической рамке отрабатывают какую-то комбинацию три воздушные гимнастки... (Впоследствии одна из них — Юля Ларионова — станет прообразом героини моей пьесы «Когда полюбит клоун»).

В первом ряду стали появляться члены приемной комиссии. Известный инспектор манежа Александр Борисович Буше, захлопав в ладоши, зычно произнес: «Репетиция закончена! Просьба освободить манеж!» Артисты быстро собрали реквизит, а из-под купола по канату в сверкающих трико съехали в манеж воздушные гимнастки, гибкие, изящные, одна другой лучше (это был номер Бубновых). Я обалдел от восторга. Сердце весело запрыгало. «Нет, уж, девочки, — решил я, — хрена с два уйду я из цирка. Расшибусь в лепешку, а стану циркачом, чтоб сдружиться с вами и влюбиться во всех сразу». И ведь помогло!..

В первом ряду расселась приемная комиссия: Владимир Дуров, Эмиль Кио, Александр Буше, Виктор Жанто, Борис Эдер, Марк Местечкин, Арнольд Григорьевич Арнольд и, конечно, директор цирка Николай Байкалов. Появился и сам Карандаш, но не в остроконечной глупой шляпе, как в манеже, а седоватый, не в клоунском мешковатом пиджаке, а в элегантном сером костюме с орденом на лацкане. Где-то сбоку в сторонке, накинув халатики, примостились и те три воздушные гимнастки. Ох, знали бы они, как мне помогли.

Словно на дружеской вечеринке, я спел пару своих песенок, прочел басню про лопнувшую лягушку, на финал сделал пародию на Бориса Чиркова, Леонида Утесова и Михаила Астангова. Комиссия хохотала, смеялась и девочки-гимнастки. Я был счастлив! Спасибо вам, девочки! Ну, теперь держитесь. А когда Ия Ивановна сообщила комиссии, что я еще играю на аккордеоне и губной гармошке, все удовлетворено закивали. Кто-то из комиссии крикнул: «Наш человек!» И уже завтра надо было думать о дорожном чемодане. Предстояла поездка с Карандашом на его гастроль в Саратов. «Нечего тянуть, — сказал скрипучим голосом Карандаш, — надо сразу носом, носом в опилки». Мои родственники были ошарашены, узнав, что я оставляю завод деревообрабатывающих станков, где руководил самодеятельностью, оставляю затею с поступлением на режиссерский во ВГИК и уезжаю с клоуном, чтобы учиться у него каким-то дурацким хохмам.

Я—циркач.

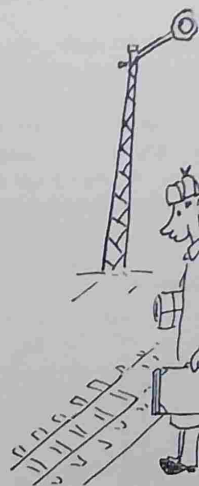
73

Что мне судьбой уготовано?
Выдал свой план:
«Еду учиться на клоуна.
Где чемодан?»
Рты поразинули родичи:
«Ужас какой!
Стать красноносым уродцем
С рыжей башкой?!»
Поздно — уж был на арене я.
Цирк — для меня!
С первого понял мгновения:
В цирке — родня.
Следом за мною в парадное
Глупо спешить.
Бросьте, мои буффонадные,
Хватит смешить...
Цирк — только цирк!
Верю, вынянчит
Ложь доброта,
Запах веселый отпочный
Дней чехарда...
Песня вагонная дробная,
Время надежд —
Солнце восходит багровое,
Словно манеж!..

СПУТНИК ЖИЗНИ

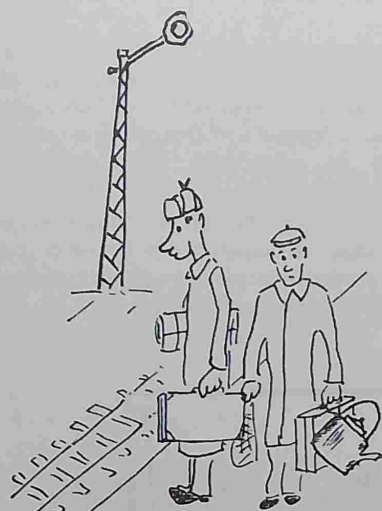
О Юрии Никулине написано и сказано немало. Оно и понятно — любимец кинозрителей и поклонников цирковой клоунады, увенчанный советскими, российскими и международными наградами и почетными званиями, инициатор и участник возведения нового циркового дворца на Цветном, его художественный руководитель и директор, а главное, невероятно отзывчивый и чуткий Человек, да-да, именно человек с большой буквы! Участник двух войн — финской и Отечественной — и кавалер боевых наград... С детства познавший бытовую нужду, он сумел через долгие трудные годы пронести в душе своей солнечный свет доброты.

Мне было суждено узнать его никому не известным начинающим цирковым клоуном. В легком зеленом пальтишке, перешитом из английской шинели, в поношенных башмаках. Таким впервые увидел я его в апрельской слякоти на перроне Казанского вокзала у вагона, увозящего нас — учеников знаменитого клоуна Карандаша — в Саратов.

Вот как Юрий вписался в жизнь с предшествующих том-тович (Карандаш) уезжал из города. Вместе с нами в поезд поехали ученики Карандаша — целый состав, рекламной, целой системой возвращения из столиц, что он наконец-таки отпустил, способные, — ретивые, полярный летчик, третий Романовым поняли: Карандаш, шей работы у него под рукой, с ним. Но по просьбе Миши Карандаша, города. Вместе с нами в поезд поехали ученики Карандаша — целый состав, рекламной, целой системой возвращения из столиц, что он наконец-таки отпустил, способные, — ретивые, полярный летчик, третий Романовым поняли: Карандаш, шей работы у него под рукой, с ним.

И вот в одном вагоне поехали ученики Карандаша, по комплекции чуткий, маленький, худой, со вкусом, кто, но смешной, роста, блондин с зачесом, Шуйдин. Ученики в количестве сот человек подали заявку, Карандаша. Многих привлекло, со знаменитым клоуном Карандашом и поехали с нами в Саратов.

Ю.Н.

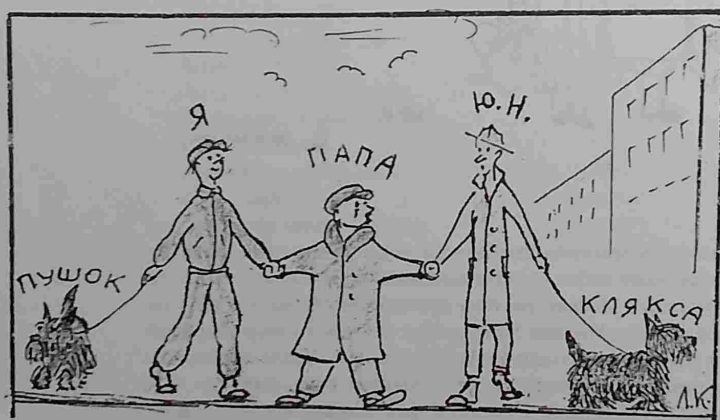
Рис. Ю. Куксо

Вот как Юрий впоследствии сам описал наше знакомство, начиная с предшествующих тому событий: «На выходные дни Михаил Николаевич (Карандаш) уезжал в Москву, где шли просмотры кандидатов в «Группу учеников Карандаша». Михаил Николаевич обставил набор широкой рекламой, целой системой экзаменов и собеседований. После очередного возвращения из столицы Карандаш, весело потирая руки, сообщил нам, что он наконец-таки отобрал себе в ученики трех человек. «Ребята они хорошие, способные», — рассказывал он. — Один танкист, у второго отец полярный летчик, третий — непонятно кто, но смешной». Мы с Борей Романовым поняли: Карандаш подобрал себе новых партнеров, время нашей работы у него подходит к концу, и были готовы тут же расстаться с ним. Но по просьбе Михаила Николаевича согласились поехать еще в два города. Вместе с нами в поездку Карандаш брал новых учеников. «Пусть привыкают и осматриваются», — сказал он.

И вот в одном вагоне с нами ученики Карандаша. Один высокий, худой, по комплекции чуть напоминающий меня (Леонид Куксо), второй маленький, худой, со всклокоченными волосами (Юрий Брайм). «Непонятно кто, но смешной», — сказал о нем Карандаш. Третий небольшого роста, блондин с зачесанными назад волосами, бывший танкист Михаил Шуйдин. Ученики в лицах рассказывали нам об экзаменах. Более трехсот человек подали заявление с просьбой принять их в группу Карандаша. Многих привлекала романтика цирка и возможность работать со знаменитым клоуном. После трех туров оставили трех человек. Они и поехали с нами в Саратов».

Пассажиры общего плацкартного настороженно вслушивались в наши странные разговоры, не зная, не ведая, что их спутники — будущие клоуны.

Все давно выпили вечерний чай, вагон поутих, наши спутники похрапывали на полках, а мы с Юрой, примостившись на боковых местах, до полуночи толкуя о том, о сем, не могли наговориться. В потемневшем вагонном окне мелькали редкие огни, оставляя в душе тревогу и сомнения, «что день грядущий нам готовит»... Но стоило мне с Юрой разговориться, как сиротские чувства исчезли. Оказалось, о многом он думает так же, как и я. И на гитаре бренчит, и хохмач изрядный, а уж начитан! Словом, с этой минуты и началась наша долгая, искренняя дружба, овеванная романтикой бродячей цирковой жизни, со всеми ее сложностями, неудобствами, но с неизменным стремлением к достижению избранной цели.

Карандаш
ведет нас в
цирк. Саратов
1948г.

Написанная мною позднее песня о цирковой кочевой жизни частенько звучала под гитарный аккомпанемент в нашей гардеробной или в гостиничном номере.

Вот город растаял в вагонном окне.
Летит за составом луна...
Чего же, товарищ, один в стороне
Ты молча сидишь у окна?
Из города в город торопишься ты
В погоне за лучшей судьбой,
Но только лукаво она с высоты
Смеется подчас над тобой.

В большую мечту
И счастье желая
Ты снова садишься
И едешь по свету
И город растаял в
И в тучах уснула
Чего же, товарищ
Ты молча сидишь

И не думали мы
ные артисты, что нас
на обложке которого
стране, любимого ар
мне волнующий до с

«Лёне!

Самому моему
близкому другу...
понятному,
родному...
С любовью — на в

стороженно вслушивались
что их спутники — будущее

рутих, наши спутники похра-
вились на боковых местах, до
вориться. В потемневшем ва-
и в душе тревогу и сомнения,
лю мне с Юрой разговори-
о, о многом он думает так же,
днный, а уж начитан! Словом,
нная дружба, овеянная роман-
сложностями, неудобствами,
избранной цели.

Рис Л.К. рис

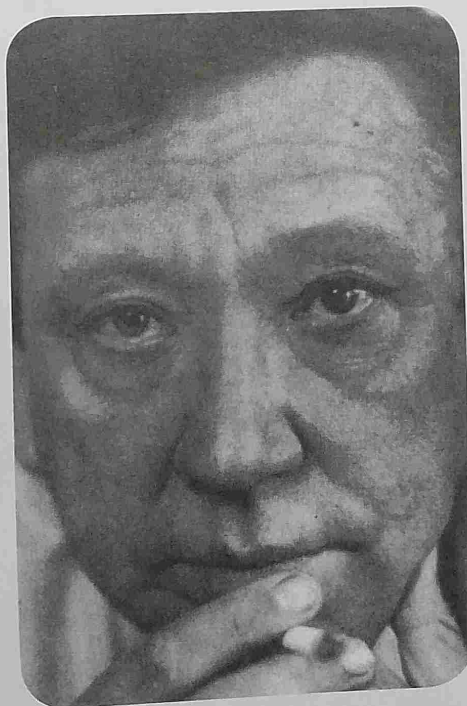
овой кочевой жизни частенько
цей гардеробной или в гости-

*В большую мечту безнадежно влюблен
И счастье желая догнать,
Ты снова садишься в зеленый вагон
И едешь по свету опять...
И город растаял в туманном окне,
И в тучах уснула луна...
Чего же, товарищ, один в стороне
Ты молча сидишь у окна?*

И не думали мы, не гадали мы тогда — молодые, никому не извест-
ные артисты, что настанет день, когда Юра примчится ко мне с журналом,
на обложке которого будет его цветной портрет, портрет известного всей
стране, любимого артиста кино и цирка! Портрет, на котором он оставит
мне волнующий до сей поры автограф:

*«Лёне!
Самому моему
близкому другу...
понятному,
родному...
С любовью — на всю Жизнь.*

Юра Никулин
апрель 63 год».

Дорогой Пёня!
Прими на память эту
книшечку о светлых наших
духах в мире, когда мы еще
ничего не знали.
Рисунки в книге я сделал
по твоему настоянию, за
что бесконечно благодарен.
И вообще я тебя ценю
и люблю.

твой дружок Куксо-писатель.

Л. Куксо

Писан 6.02.79г. в Москве

А это дарственная надпись автора
на его биографической книге «Почти серьезно».

Спутник жизни

79

Повзрослели — поумнели,
Приделись — огляделись...

Л. Куксо подначил Юру
На этюд: «Долой цензуру!»

ЛАВОЧКА СТАЛИНА

Сегодня на Новодевичье кладбище может зайти каждый. Совсем иначе было в прежние, сталинские времена. У входа дежурила специальная охрана из тех солдат, что несли службу в Кремле и у Мавзолея. Я так уверенно об этом говорю, поскольку муж сестры Вовки Саунина, добродушный улыбчивый татарин Петя, мечтавший стать генералом, служил в той самой Кремлевской особой части. Когда я приходил в гости к другу, Петя по простоте душевной рассказывал о своей службе. И все, затаив дыхание, слушали, как однажды, когда он стоял на посту, мимо прошествовал товарищ Сталин. Петя, сельский парень из-под Казани, вытянулся и отдал честь великому вождю. Тот задержался и сказал: «Согласно уставу, честь на посту отдавать не положено». — «Так точно», — ответил Петя. И зачем-то выпалил: «Служу Советскому Союзу!» На том общение и закончилось, гениальный вождь своей исторической поступью проследовал далее. К Пете тут же подскочил офицер:

— Что тебе сказал товарищ Сталин?

Петя — простак простаком, а смекнул: скажи он, что вождь упрекнул в нарушении устава — полетел бы кувырком нивесть куда.

— Товарищ Сталин спросил: «Здравствуйте, как служитесь?» Ну, а я ему: «Служу Советскому Союзу!»

После этого Петя среди солдатской братии слыл счастливчиком. Еще бы, разговаривал с самим Сталиным.

Доводилось Пете нести службу и на Новодевичьем. Из его рассказов я знал, что овдовевший вождь иногда приезжает на могилу Аллилуевой, и что есть там, у надгробия белокаменная лавочка, на которой грустит несчастный вдовец.

Но это лишь пролог.

В октябре 1950 года скончался худрук Московского цирка Борис Александрович Шахет. Похороны были на Новодевичьем кладбище. Кроме родных, в процессии были и цирковые артисты, в том числе и мы с Юрой. Произносилось много речей о творческом пути покойного, о его вкладе в развитие циркового искусства. Панихида затянчилась... Мы с Юрой разглядывали соседние надгробия. Никому до нас и дела не было. Но перед выходом из автобуса инспектор манежа А. Буше, руководивший панихидой, своим зычным голосом всех предупредил, чтоб никто от процессии не отставал, это, мол, особо охраняемое режимное кладбище.

Не замечая, однако, вокруг никакой охраны, мы с Юрой решили пробраться к могиле Аллилуевой, о кончине которой ходили всевозможные толки. Это теперь из рассказов ее дочери известно, что она, не выдержав очередной сталинской грубости, застрелилась. А тогда об этом сообщалось шепотом, да и вообще для разговоров тема была запретной. Ее памятник был якобы сооружен по сталинскому замыслу и для взоров простых смертных не предназначался. Все это разжигало наше любопытство, тем более что из Петиних рассказов было известно местонахождение могилы — она там, где сходится монастырская стена с внешней, кладбищенской.

Для Юры — бывш...
статочко. И не видя
я за ним.

Вскоре пред нами
шину которой вен
тью руки... Ничего
«эстетом»!.. За колон
ленным стеблем, по
праздничного засто
и которую она швыр
могила была и пред
вочка. (Сегодня бро
и потемнела.) Ну как
рождения, не сест н

И мы, не сговари
ли, ощутив задницам
Юра, — всем сможем
Не видя в том ничето
песню:

«Я могла милой и
Но ее найти не лег
Долго я томился и
Где же ты, моя Су

И тут, нарушая
елочки, похожие на
страшной сказке с при
габардиновых мужик
такой трюк не снился

— Вы чего тут рассел

Поняв, что силы н
ка, а вон и наша проц

КСТАТИ...

Анекдо
Ночью
— Алл
нович
— Тод
— Ну
Набир
— Алл
ты, ок
— Тод
— Ну
Стали
— Хо
пока не

Для Юры — бывшего батарейного разведчика — этих координат было достаточно. И не видя вокруг никакой охраны, он осторожно двинулся вперед, за ним.

Вскоре перед нами предстала белая, в человеческий рост, колонна, вершину которой венчала миловидная женская голова с изящной кистью руки... Ничего не скажешь, товарищ Коба (звучит как кобра) был «эстетом»!.. За колонной на белой плите лежала бронзовая роза с надломленным стеблем, подобие той черной розы, которую подарил накануне праздничного застолья в честь десятилетия Октября капризный генсек и которую она швырнула на пол перед самоубийством. А в трех шагах от могилы была и предназначенная для грусти вождя народов та самая лавочка. (Сегодня бронзовой розы нет, исчезла... А лавочка заметно осела и потемнела.) Ну как тут было нам, тогда молодым оболтусам, клоунам от рождения, не сесть на нее!

И мы, не сговариваясь, наливаясь патриотической гордостью, присели, ощутив задницами ее мраморный холодок. «Теперь, — констатировал Юра, — всем сможем сказать, что сидели со Сталиным на одной скамейке!» Не видя в том ничего дурного, мы тихонько затаили любимую сталинскую песню:

*«Я могилу милой искал,
Но ее найти не легко.
Долго я томился и страдал.
Где же ты, моя Сулико?»*

И тут, нарушая наше лирическое состояние, зашевелились голубые елочки, похожие на те, что у Кремлевской стены, а из-за них, словно в страшной сказке с привидениями, выскочило несколько разъяренных серогабардиновых мужиков. Откуда они взялись? Пожалуй, знаменитому Кню такой трюк не снился.

— Вы чего тут расселись?! — подлетели они к нам. — Кто такие! Откуда вы?

Поняв, что силы не равны, мы робко пролепетали, что мы, мол, из цирка, а вон и наша процессия.

КСТАТИ....

Анекдот о сталинской «душевности».

Ночью Сталин звонит по телефону.

— Алло! Берия? Не разбудил? Ну и хорошо. Мне тут Каганович позвонил, напомнил, что ты был за раздел Грузии.

— Товарищ Сталин, я давно в этом покаюсь...

— Ну и ладно. Спокойной ночи!

Набирает другой номер.

— Алло! Каганович? Мне тут Берия напомнил, ты, оказывается, еврей!

— Товарищ Сталин, я в этом давно признался.

— Ну, тогда ладно. Спокойной ночи, дорогой!

Сталин опускает трубку, вздыхает:

— Хо-о, что за характер! Не могу уснуть, пока не пожелаю друзьям спокойной ночи.

— Ну и ступайте туда! Живо!

Уходя, Юра вздохнул: «Уж и посидеть нельзя!..» А вослед нам понеслось: «Идите, идите! Не то — посидите!..» Поняв недвусмысленный намек, мы живо смылись и смешались с нашей цирковой процессией.

«НАХ МОСКАУ»

После разгрома фашистов под Москвой в цирке на Цветном бульваре Карандаш показывал такую сценку — выкатил ящик наподобие бронемашины с крестом и свастикой на бортах, с пушкой-трубой и сообщал, что покажет, как фашисты шли на Москву. Надевал маску какого-то чудища, каску, забирался в «машину» и кричал: «Нах Москау!»

«Грозная машина» доползала до центра манежа и трах-ба-бах! — раздавался оглушительный взрыв — броневик разлетался и, выбираясь из дымного облака, «завоеватель», весь в бинтах, опираясь на костыли, улепetyивал прочь.

Сценка имела успех и после войны, когда мы с Юрой Никулиным были учениками Карандаша. Но это все — предыстория. История — дальше. Для того, чтоб раздался этот «трах-ба-бах!» нужно было изготавливать специальные хлопушки. Делали их мы, ученики, по количеству представлений с запасом (вдруг не сработает). К концу гастролей как-то остались лишние хлопушки. А перевозить их из города в город было опасно — могли от детонации взорваться.

И вот знаменитый комик с видом заговорщика явился в нашу гардеробную: «А вам, мальчики, задание особое», — и он посмотрел на стенку, где на гвоздиках висели хлопушки. И хитро подмигнув, сказал:

— Остались у нас две хлопушки. Давайте-ка, грохните их посмешнее, а я поставлю вам оценку.

Хихикая, он ушел, а мы призадумались. Легко сказать «грохните посмешнее»... А где? И как? Когда все варианты были отвергнуты, я, что называется «от фонаря», предложил: «Может, рванем напротив?» А напротив нашей двери была дверь с двумя нулями — туалет. Юра хмыкнул.

К вечеру, придя в гардеробную, я глянул на стену — хлопушек как не бывало. Когда примчался Никулин, я кивнул на пустые гвоздики:

— Юр, где хлопушки-то?

— Как где? Где договорились — напротив.

Мне стало не по себе. Я-то брякнул в шутку, а он все устроил всерьез. Хлопушка взорвется, когда посетитель дернет за спусковую ручку... Красота!

— Юрка, ты соображаешь, что будет?!

— Зато пятерки обеспечены, — подмигнул он.

Пока мы спорили, оркестр грянул марш. Спешно напялив клоунские костюмы и парики, мы заняли свои места в шеренге артистов. Инспектор

манежа уже готов был к ный грохот. Это бабах!

Вышибая фанерную из древнего сосуда, выся. И вот удача! Жертв заносчивый тип, всегда ред нами в столь неприштаны, он кинулся тулой дверцей.

Хохот стоял невиданно проделках, все одобрил Карандаша...

Увертюра окончила знак дирижеру — повтор

Карандаш нам серьез

— Ставлю вам по пя

— Почему с минусом

— Надо было подлю и взяточник. Но место

Не пряча озорных у майских праздников).

И зрители, приняв тем же. Веселое получ замдиректора, который

А на двери персона замок...

...» А вслед нам понес-
двусмысленный намек,
и процессней.

ке на Цветном бульваре
щик наподобие бронема-
и-трубой и сообщал, что
маску какого-то чудища,
кау!»

анежа и трах-ба-бах!—
злетался и, выбираясь из
пряся на костыли, уле-

Юрой Никулиным были
История — дальше. Для
дло изготавливать специ-
личеству представлений
как-то остались лишние
было опасно — могли от

ка явился в нашу гарде-
он посмотрел на стенку,
ингнув, сказал:

грохните их посмешнее,

ко сказать «грохните пос-
и отвергнуты, я, что назы-
и напротив?» А напротив
ет. Юра хмыкнул.

стену — хлопущек как не
пустые гвоздики:

у, а он все устроил всерьь-
нет за спускную ручку...

ешно напаялив клоунские
енге артистов. Инспектор

манежа уже готов был скомандовать: «Пошли!», как вдруг раздался страш-
ный грохот. Это бабахнули наши хлопушки. Все обернулись.

Вышибая фанерную дверцу, из туалета, в дымном облаке, словно джин
из древнего сосуда, вылетел до смерти перепуганный некто. Дым рассеял-
ся. И вот удача! Жертвой нашей проделки оказался замдиректора цирка,
заносчивый тип, всегда говоривший с артистами свысока. Он предстал пе-
ред нами в столь неприглядном виде... Еле поняв случившееся, подхватив
штаны, он кинулся туда, откуда вылетел, и прикрылся дрожащей фанер-
ной дверцей.

Хохот стоял невиданный. Артисты держались за животы. Зная о наших
проделках, все одобрительно нам подмигивали: «Ясное дело — ученики
Карандаша...»

Увертюра окончилась. Артисты продолжали хохотать. Инспектор дал
знак дирижеру — повторить увертюру.

Карандаш нам серьезно сказал:

— Ставлю вам по пятерке с минусом.

— Почему с минусом?

— Надо было подловить не заместителя, а самого директора. Алкаш
и взяточник. Но место хлопушкам нашли хорошее.

Не пряча озорных улыбок, артисты вышли на манеж. (Дело было в дни
майских праздников).

И зрители, приняв эти улыбки за праздничное приветствие, ответили
тем же. Веселое получилось представление! Всем было весело, исключая
замдиректора, который вскоре уволился «по собственному желанию».

А на двери персонального директорского туалета появился навесной
замок...

«Нах Маскау»

83

Карандаш
внимательно
наблюдает
за своими
учениками.
Оказалось
(вот те раз!),
за нами нужен
глаз да глаз...

Иногда наши розыгрыши оборачивались против нас самих. Облачаемся в клоунские костюмы, гримируемся для участия в параде-прологе, посвященном пышно отмечаемому страной дню рождения Сталина. Юра, накладывая грим, глядя в зеркало говорит:

— Встречаю сегодня Жирцова, здоровенный такой, квадратный, гиревик, бывший борец. В Москве проездом. Просит, чтоб я дал ему рекомендацию в партию. (Юру приняли в партию в армии.) Я-то его толком и не знаю. «Не сомневайся, говорит, — доказал чего стою. Все подарки товарищу Сталину делают. Шахтеры, сталевары, строители. А мы, артисты, что, хуже? И вот говорю на представлении: «Товарищи! Вот и мой подарок великому Сталину. Сегодня добавляю к обычной штанге целых полтора килограмма! Оркестр, дробь!» Добавил. Смотрю на штангу — дробь берет, рвану или нет? Ну, думаю, если осрамлюсь, посадят! Эх, пан или пропал! Зал замер... Я поднатужился, крикнул и раз-два — АП! — взял! зал грохнул. Я мигом на почту, даю в главк телеграмму-молнию: «В честь дня рождения родного товарища Сталина лично взял вес больше обычного на 1 килограмм 500 граммов. Артист Жирцов». Все в главке рты пораскрыли».

— Ну и что? — спросил я у Юры. — Дашь ему рекомендацию?

— Чтоб еще раз все рты пораскрывали? — ответил он.

— У нас свой подарок Сталину, — угрюмо пробурчал Шуйдин. Выйдем сейчас в манеж, протянем ручки к его портрету — и порядок, можно ехать домой в Подольск. (Миша всю неделю из-за поздних репетиций этого парада еле успевал на электричку.)

Раздается первый звонок. Шуйдин вышел из гардеробной. Мы с Юрой переглянулись: уже звонок, а Полозова нет как нет. Молодой театральный артист Алексей Полозов был принят в клоунскую группу Московского цирка. Его театральная судьба не сложилась, и он решил попробовать себя в цирке. Но душой он к нему не прикипел, считая клоунское искусство делом второго, а то и третьего сорта. Кое-как учил тексты клоунад и, подсмеиваясь над нами, то и дело опаздывал на репетиции. По заведенной традиции мы вместе со всеми артистами программы участвовали в параде-прологе. Леша прибегал к третьему звонку, впопыхах напяливал нарядный костюм «белого клоуна» (мы были «рыжими») и за секунду до того, как инспектор манежа Буше, хлопнув в ладоши, давал артистам команду на выход «Пошли!», Леша встречал в шеренгу на свое место. Нас — юных патриотов манежа — естественно, коробило его наплевательское отношение к цирку, где мы проводили большую часть дня, живя его интересами. А тут, видите ли, подсадили к нам в гардеробную красавчика, который уверял, что играл где-то в ТЮЗе Незнамова, Ромео, а теперь ему приходится вдыхать запах конюшни и разыгрывать какие-то дурацкие, видите ли, клоунады с полудефективными учениками абсолютно дефективного Карандаша.

И вот мы, полудефективному герою любви к третьему звонку, спе- же грохнет взрыв! И о мнении) резко измени- клоунскую хлопушку, как штрипку, прилади- ей затей. Ко второму з- предусмотрительно уд-

Ждем взрыва. Иде- пушка молчит. Неужт- Заняли места в своих п-

Грянула увертюра. к третьему звонку. Бу- в ладоши: «Пошли!» У- лучи прожекторов, и, лодисментами, нарядн- нулась по левому бар- министр культуры, ге- а посвященное дню ро- Артист Николай Скал- читает монолог, посвя- растов и профессий (в- Сафронова, заканчива-

«Чтоб наши дни све-

Мы смело двинулись

Ведет народы мудри-

За мир, за счастье,

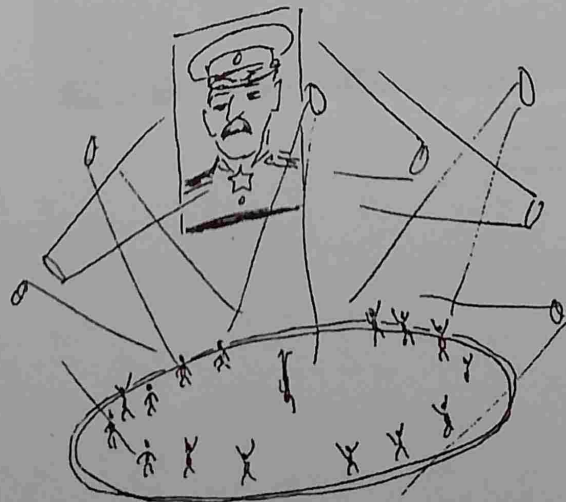

И вот мы, полудефективные, решили, наконец, дать по мозгам пришлому герою любовнику. План был прост. Он как всегда прибежит — к третьему звонку, спешно сунет ноги в шелковые голубые брюки, и тут же грохнет взрыв! И окутанный дымом пижон должен будет (по нашему мнению) резко изменить свое отношение к цирку. Для этого трюковую клоунскую хлопушку, величиной с папиросу, с двумя веревочками мы, как штрипку, приладили к манжете его штанины, предвкушая успех своей затеи. Ко второму звонку Леша пулей влетел в гардеробную, откуда мы предусмотрительно удалились, давись от смеха.

Ждем взрыва. Идем по лестнице, прислушиваемся. Взрыва нет, хлопушка молчит. Неужто не сработала? Может, отсырела? И такое бывает. Заняли места в своих шеренгах.

Грянула увертюра. Полозов тут как тут, миг — и встрял в шеренгу, к третьему звонку. Буше командует. «Внимание, приготовились». Удар в ладоши: «Пошли!» Униформисты отдернули занавес, в глаза брызнули лучи прожекторов, и, ощутив дыхание зрительного зала, встреченные аплодисментами, нарядные артисты вышли в манеж. Юрина шеренга изогнулась по левому барьеру, наша — по правому. А в зале важные гости: министр культуры, генералы, иностранцы. Представление-то не простое, а посвященное дню рождения великого-превеликого товарища Сталина! Артист Николай Скалов, взлетев на постамент в центре манежа, громко читает монолог, посвященный лучшему другу советских людей всех возрастов и профессий (в том числе, стало быть, и клоунов), читает монолог Сафронова, заканчивая его словами:

*«Чтоб наши дни светлее стали,
Мы смело двинулись в поход.
Ведет народы мудрый Сталин
За мир, за счастье, вперед».*

Апофеоз!

6-11-78

Артисты простерли руки к возникшему на сцене портрету вождя. И тут я обомлел: у ног Полозова, на алом бархате ковра, лежала наша белая хлопушка. Надев штаны, он оборвал одну из петель, — и хлопушка, неведомо для него, держась на одной петле, лежала у его ног, готовая взорваться в любую минуту. Я взглядом указал на нее Юре, он мигом все понял, брови дрогнули, глаза округлились.

Грянул марш. Артисты (согласно текста монолога), бодро двинулись «за мир и счастье — вперед». Нарушая парадное построение, мы с Юрой, не сговариваясь, кинулись к Полозову, чтоб никто, ненароком, не наступил на злосчастную хлопушку, ни то трах-бабах! — и «подарок товарищу Сталину». Взрыв, дым! В такой день! И наши дальнейшие биографии могли резко измениться. Бог уберет.

Когда за кулисами, приказав Полозову не двигаться, мы обезвредили хлопушку, он побледнел, поняв, в какую веселенькую историю мог вляпаться по нашей милости. После этого происшествия он считал нас уже не полукретинами, а полными. И хоть мы его больше не перевоспитывали, он приходил задолго до начала представления и внимательно осматривал свой костюм перед выходом на манеж. Впоследствии Леша, не без нашей помощи, полюбил цирк, стал неплохим клоуном и даже руководителем коллектива.

А день рождения товарища Сталина стал считать своим вторым днем рождения.

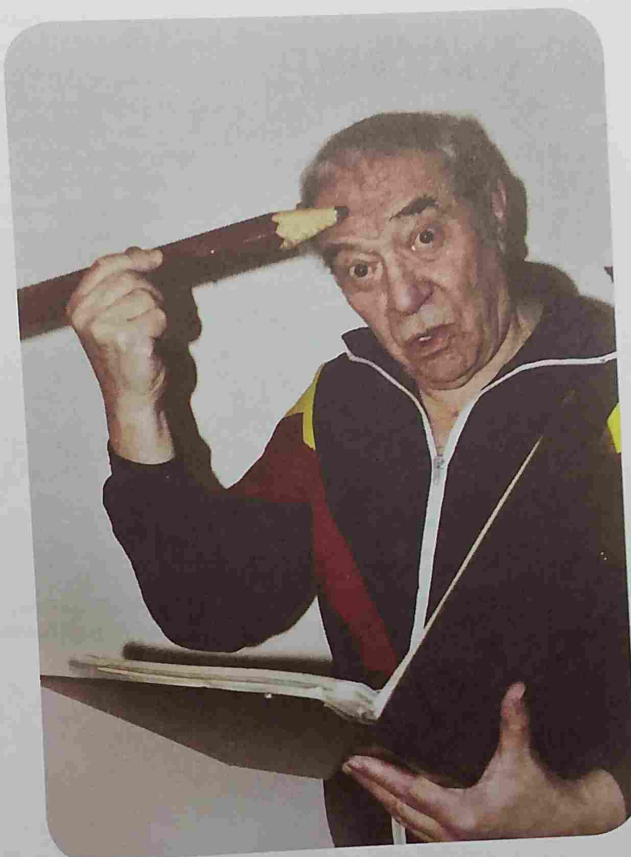
портрету вождя. И тут
лежала наша белая хло-
— и хлопущка, неведо-
ог, готовая взорваться
нигом все понял, брови

ога), бодро двинулись
строение, мы с Юрой,
на, ненароком, не насту-
и «подарок товарищу
ейшие биографии мог-

аться, мы обезвредили
кую историю мог влия-
вия он считал нас уже
не не перевоспитывали,
нимательно осматривал
ли Леша, не без нашей
даже руководителем кол-
ть своим вторым днем

Подарок вождю

87

Вот кошмарный случай был —
До сих пор не позабыл!

МЕДВЕДЬ ОТВЯЗАЛСЯ

В юные годы я цирк полюбил,
И по гастролям мотался...
В юные годы я клоуном был,
Так им в душе и остался.
В сердце горит цирковой огонек,
Жить помогая поэту.
Сколько историй поведать бы мог!..
Помню особенно эту:
Утренник кончился...
Цирк наш притих...
Жду представленья дневного
И в гадеробной уселся за стих.
В поисках нужного слова
В зеркало глянул, поправил парик,
О выходном размечтался...
Тихо...
И вдруг — за спиной детский крик:
«Дядя! Медведь отвязался!»
Я оглянулся — беда у дверей
(Благо, что были открыты):
Замерла стайка нарядных детей
Из дедморозовской свиты,
Тех, что Снегурку спасали в пургу
На цирковом представленьи.
С бурым — уверены — сладить могу,
ДЯДЯ я в их представленьи.
Только бы тут и видали меня —
Знаем характер медвежий...
Но обступила меня ребятня
С доброй, наивной надеждой...
Не посрамить бы мне рыжий парик!
В морду медвежью глядя,
К зверю иду...
Может, я в этот миг
В цирке — единственный дядя?
Бурый всю руку мою облизал...
Чувствую — взмокла сорочка...
Как-то медведя к столбу привязал,
Он огрызнулся, и точка.
Тут дрессировщик примчался.
Ворчу:
«Где же вы были?!» —
В столовой...» —

«Жирный компот был
Он — бац по плечу
И говорит: «Браво, кл
...В юности все мы бы
Не измениться б с год
Смотришь, порою, бы
Сделались вдруг — ин
Пусть побелеет моя г
В сердце б мороз не за
Если придется услыша
«Дядя, медведь отвяза

СЕРЕНАДА НА ОСЛЕ

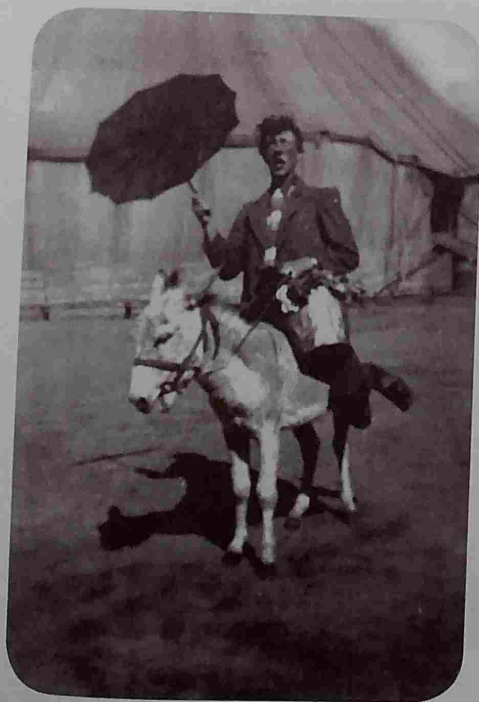
Очень уж мне хотелось
рый слушался только св
Других не подпускал, бри
и других вкусных подаче

«Жирный компот был?»
 Он — бац по плечу
 И говорит: «Браво, клоун!»
 ...В юности все мы бываем смелы,
 Не измениться б с годами.
 Смотришь, порою, бывшие орлы
 Сделались вдруг — индюками...
 Пусть побелет моя голова,
 В сердце б мороз не закрался,
 Если придется услышать слова:
 «Дядя, медведь отвязался!»

СЕРЕНАДА НА ОСЛЕ

Очень уж мне хотелось сфотографироваться на цирковом осле, который слушался только своего хозяина — клоуна Константина Бермана. Других не подпускал, брыкался, кусался. И все же, с помощью морковки и других вкусных подачек мне удалось его оседлать.

В результате в цирковой программе после первого темпового номера раздавался мой выездной клич: «О, моя Зулейка Ханум!» (Фраза из популярной тогда песни Рашида Бейбутова). И я, появляясь на осле с ведерком цветов, обращался к публике:

«Кому, кому цветы небывалой красоты?

В парке с клумбы сорвал, постовой — хи-хи-хи — прозевал!

Что? Не красиво?

Хватит — на пиво!»

И вновь напевал: «О, моя Зулейка Ханум!» В этот миг в оркестре раздавался милицкий свисток — там появлялся Константин Берман в милицетской фуражке.

Берман: «Ах, вот он где, теперь не уйдешь (тромбон выдавал глиссандо)». И Берман (его коронный пятиметровый прыжок) летел из оркестра на манеж и после кульбита вставал на ноги. Продавец цветов (то есть я), падая с осла, ронял цветы и улепетывал с манежа. Осел — за мной. И тогда инспектор объявлял: «Заслуженный артист республики — Константин Берман!»

Костя, одернув пиджак, начинал кокетничать с одной из зрительниц и шарил по карманам: «Ой, потерял, потерял». Инспектор: «Что потерял?» Берман: «О, нашел». И доставал из башмака пунцовое сердце, объясняя: «В пятки ушло...» А затем к дирижеру: «Маэстро, прошу». Звучала фраза из песни «Сердце, тебе не хочется покоя», и Берман, став на колено перед понравившейся зрительницей, вместо сердца чуть было не преподнес ей большую морковку. Инспектор: «Костя, что ты пристаешь к незнакомой девушке?» Костя: «Очень даже знакомая — моя невеста». Сигналил милицетским свистком, и на манеж возвращался осел. «Прошу, — указывал он девушке на ослика, — такси подано». Норовистый осел брыкался, клоуну еле удавалось усадить на него девушку. И под звуки песни «Сердце, тебе не хочется покоя» клоун уводил ослика с сидящей на нем «невестой».

P.S. Увидав мою фотографию в клоунском наряде на осле, Саунин чуть не лопнул от зависти и успокоился лишь, когда прислал мне свое фото на осле с надписью:

«Своему лучшему другу юности — Леониду Куксо. От Саунина Владимира 23.09.59. Ущелье Терекон. Выс. 2200 м над уровнем моря».

Зная, что снимки пояснил: (На этом снимке брус по пояс т. Саунина)

его темноватого номера
«Савуш» (Фраза из попу-
лярной песни на осле с восторгом

— прозвучал!

от миг в оркестре раздался
Константин Берман и милли-

он выдал глассан-
(жон) летел из оркестра
авец цветов (то есть я),
Осел — за мной. И тог-
убайки — Константин

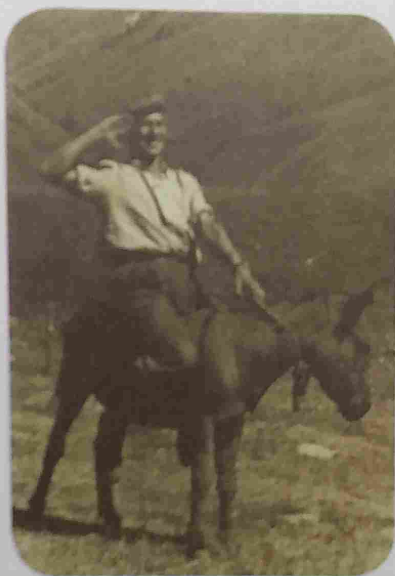
одной из зрителей и
пектор: «Что потерял?»
новое сердце, объясняя:
прошу». Звучала фраза
и, став на колени перед
было не преподнес ей
иностранки к незнакомой
весте». Сигналил мили-
Просту, — указывая на
и осел бравался, клоуны
и песни «Сердце, тебе не
нем «невестой».

кле на осле, Сауни чут-
ислал мне свое фото на

уко. От Саунина Влади-
овнем моря».

Серенада на осле

91

Зная, что снимки станут достоянием всей Козихи и Бронной, Вовка попросил: (На этом снимке надпись): «Высочайшая вершина Европы Эль-брус по пояс т. Саунину, научному сотруднику академ-экспедиции».

НИКАКОЙ ИНОСТРАНЩИНЫ

Конец сороковых и начало пятидесятых были отмечены безудержной борьбой с космополитизмом. Пропагандистской машиной осуждалось все, что было заподозрено в преклонении перед Западом, поскольку влияние западных фильмов, музыки и литературы пагубно могло отразиться на мировоззрении строителей коммунизма. Отсюда и борьба со стилями и искоренение зарубежных терминов и замены их кондово-российскими словесами. И в срочном порядке запрещались иностранные псевдонимы.

Не отстало от других и Главное управление цирков. Участвуя в этой идейной вакханалии, оно искореняло оформление цирковых номеров в западном стиле.

Убирались цилиндры, фраки и смокинги, узконосые лакировки. До предела закрывались оголенные части тела. (И это там, где искусство граничит со спортом!) На артистах появились русские кафтаны, душегрейки и халаты, папахи, а на ногах — онучи, чоботы, лапти да валенки. Менялись и музыкальные инструменты. Вместо аккордеонов, саксофонов и тромбонов появились трехрядки, всевозможные дудки, рожки, сопелки, гремелки и трещотки. А в оркестре вместо западных ритмов — фокстротов, танго, румбы и прочего, звучала «камаринская», русская плясовая и заунывная «Степь, да степь кругом...»

Борьба за искоренение иностранных имен и фамилий коснулась и потомственных цирковых династий, которыми гордился и славился наш цирк. Среди них были Морус, Довейко, Россини, Безано, Аверино, Демаш, Дубино, Жанто, Кисс и многие другие. Дошло до того, что знаменитым сестрам Кох предложили назваться «Сестры Коховские»!

Коснулась эта чертовщина и автора этих строк, когда наша гастрольная группа прибыла в новый цирк. Во время представления шпрыхшал-мейстер (по новому — ведущий или инспектор манежа) спросил: «Как вас объявить?» Я ответил: «Клоунада «Наболевший вопрос». Исполняют артисты Богданов и Куксо». — «Никаких псевдонимов! — строго огрызнулся он. — Говорите вашу настоящую фамилию». Дискутировать было некогда, пора было идти на манеж. И я сходу ответил: — «Настоящая — Куксов». — «Другое дело, — успокоился он. — И никакой иностранщины, товарищ Куксов!»

Так в том городе я проработал под чужой фамилией.

«Вопрос подн...

Исполняет
Леонид Куксо

«Вопрос подняли на должную высоту»

— Какой вопрос?
— Текущий.

В те дни приби
Проведя с кол
артисты, особенн
ского человека. Ч
ли на сей счет ка
своего будущего

В те дни прибыл к нам из Главцирка режиссер Ник. Зиновьев. Проведя с коллективом срочное совещание, он потребовал, чтобы все артисты, особенно клоуны, достойно отображали на манеже образ советского человека. Через пару дней он, мимоходом, спросил, не появились ли на сей счет какие-нибудь соображения? В ответ я предложил ему эскиз своего будущего образа.

Окружившие нас артисты весело рассмеялись, а цирковой «Станиславский», поняв подвох, чертыхнулся и ушел огрызаясь...

В этой антизападной вакханалии доходило до абсурда. Слово «галоши», например, предлагалось заменить на «мокроступы», «автомобиль» на «бензоход» и т.д. и т.п. Именно в тот период моего приятеля Дугласа (названного в честь Дугласа Фербенкса) его «заботливый» папаша, кинорежиссер Г. В. Александров, документально переименовал в «Васю».

Никакой иностранщины! И продолжалось это всесоюзное безумие, пока в мир иной не ушел «Отец родной»...

Особую похвалу заслужил «Наболевший вопрос» от худрука Ленинградского цирка Г. С. Венецианова, а директор музея циркового искусства Ал. Левин великодушно удостоил меня этим рисунком.

Лена Куксо

Это был маленький шедевр!
Когда был в Ленинградском
цирке. Сезон 1950-1951 г.

Наболевший
вопрос в
Ленинградском
цирке. Сезон
1950-1951 г.

Впервые с
молодыми кл
ющегося реж
лые ребята»,
маэстро Фра
ского джазов
аттракцион «
ров. И повез
и Н. Асеева —
тно, по-малы
кулин расска
вечером мы
Интермедия
ся до конца.
Хлопали гром
всего, что ин
С каждым
тия» появила
назвали актуа
и способные.
Эту клоун
десяти ковер
с «карманнь
зин.) Вот как
с Мишей исп

Впервые эта клоунада была показана на манеже Московского цирка молодыми клоунами Ю. Никулиным и М. Шуйдиным в постановке выдающегося режиссера А. Арнольда, постановщика трюков в фильме «Веселые ребята», где он и сам сыграл яркую эпизодическую роль итальянского маэстро Фраскини. Известен Арнольд и как автор-постановщик Утесовского джазового спектакля «Музыкальный магазин». В цирке он поставил аттракцион «Цирк на льду», «Цирк на воде» и много популярных номеров. И повезло же! Этот легендарный Арнольд — друг В. Маяковского и Н. Асеева — поставил мой «Наболевший вопрос»! Репетировал он азартно, по-мальчишески, с увлечением. Вот как в своих мемуарах Юрий Никулин рассказывает о клоунском дебюте на московском манеже: «И вот вечером мы впервые вышли на манеж с «Наболевым вопросом». Интермедия прошла хорошо. Смех возник в самом начале и продолжался до конца. Покидали мы манеж под вполне приличные аплодисменты. Хлопали громко, смеялись. Мы, честно скажу, даже растерялись. А важнее всего, что инспектор манежа Буше сказал нам: «Спасибо, ребятки!»

С каждым днем номер проходил все лучше и лучше. В газете «Известия» появилась небольшая рецензия на программу, в которой «Вопрос» назвали актуальной репризой. А о нас с Мишей написали, что мы молодые и способные. «Молодцы!» — на этот раз сказал уже и Арнольд.

Эту клоунаду Юра с Мишей играли лет пять. (Копируя их, не менее десяти коверных пар ее исполняли. Перекочевала она и на эстраду, где ее с «карманным» бутафорским «вопросом» играли Тимошенко и Березин.) Вот какими рисунками проиллюстрировал Юра Никулин, как они с Мишей исполняли «Наболевший вопрос».

Его заострили!...

ой «Станислав-
слово «галоши»,
обиль» на «бен-
Дугласа (назван-
кинорежиссер
ое безумие, по-
худрука Ленин-
ового искусства

и Шедвр!
off
евен

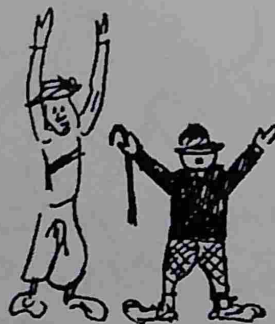

... И подняли
на должную
высоту!...

— Семь дней утрясали,
не работали! А в итоге?—

Вопрос остался
открытым...

Особенно с
Даже для испо
лита! И тут ди
унады?» (В про
нет...» — отве
«Как, нет!» (Пр
я сказал, что «
что руководств
ветственность
начальству, ка
Главлита испо
какой отсебят
этой всеильн
выступление,

Было это
будку всунула

— Слушай

— Как это

— Ну-ну, с

цирка поздра

— Чего?

— Сам зна

— Дайте те

— Какой т

— С визой

Никакой отсе

— Научил

моей будки.

Лет через

звали меж со

зулыбался. П

рских хлебах.

— Ну и по

он.

— Сами на

— Что дел

— Теперь

— Хрен ре

Что он эт

Как в нащ

Особенно строго руководство относилось к сатирическому репертуару. Даже для исполнения крохотной репризы требовалось разрешение Главлита! И тут директор цирка спохватился: «А где залитованный текст клоунады?» (В предпраздничной премьерной суете было не до того.) — «Его нет...» — ответил я тихо. Его круглая, плоская физиономия побагровела: «Как, нет!» (Причиной всему был мой хитрый трюк — начальству Главка я сказал, что «Вопрос» разрешил исполнять директор цирка, а его уверил, что руководство Главка не против исполнения, если Байкалов берет ответственность на себя. С благословения Юры и Миши «запудрил» мозги начальству, как мог.) Байкалов опомнился: «Пока не будет текста с визой Главлита исполнять не имеете права! Наживу из-за вас неприятности! Никакой отсебятны!» — гремел он. Пришлось моим друзьям дожидаться этой всесильной визы! Я в той же программе комментировал по радио выступление дрессированных медведей Валентина Филатова.

Было это в дни Октябрьских праздников. И вот в мою дикторскую будку всунулась озабоченная физиономия циркового директора:

— Слушай, друг! Выручай! Поздравь зрителей с праздником.

— Как это «поздравь»?

— Ну-ну, сообрази. Скажи мол, дирекция Московского Ордена Ленина цирка поздравляет вас с праздником великого Октября и желает вам...

— Чего?

— Сам знаешь—чего... не ребенок... Успехов в труде... и в этом духе...

— Дайте текст.

— Какой текст?

— С визой Главлита. Без него не имею права, — выдал я его же слова. — Никакой отсебятны! Наживу неприятности...

— Научил на свою голову... — зло буркнул он и исчез, хлопнув дверцей моей будки.

Лет через десять случайно встретил я на Пушкинской Бабая (так мы звали меж собой Байкалова). И некогда грозный директор приветливо разудыбался. Постояли, потолковали. Он был на пенсии, я на вольных авторских хлебах.

— Ну и подколот ты меня тогда здорово с поздравлением! — вспомнил он.

— Сами научили.

— Что делать, время было такое.

— Теперь — не то... Оттепель, — бодро сказал я.

— Хрен редьки не слаще... — махнул он рукой, уходя.

Что он этим хотел сказать?

Как в нашей клоунаде — «Вопрос остался открытым».

ПР

КОНН

Н

под руководством

Икарыйские игры

Велофигуристы А

Акробаты с подки

Гимнасты на пар

А

Танцы на проволо

Музыкальные экс

Дрессированные

Жонглер И. ХР

Гимнасты на ше

ПЕРЕК

под ру

В интермедиях и

М. Богдан

А. Полоз

М. Шуйди

ВЕС

КОНС

Ведут програм

ПРОГРАММА

КОННЫЙ АТТРАКЦИОН КАЗАКИ

под руководством Засл. арт. РСФСР М. Н. ТУГАНОВА

Икарийские игры п/р В. ПЛИНЕР

Велофигуристы АЛЕКСАНДРОВЫ

Акробаты с подкидными досками
п/р С. КОЖЕВНИКОВА

Гимнасты на параллельных канатах
А. ДАНИЛОВА и П. МАРЬЯНКОВ

Танцы на проволоке АРТЕМЬЕВЫ

Музыкальные эксцентрики МОРОЗОВСКИЕ

Дрессированные собачки А. РУДИНИ

Жонглер И. ХРОМОВ

Гимнасты на шестах УТЕХИНЫ

ПЕРЕКРЕСТНЫЙ ПОЛЕТ

под руководством В. ГАЛАГАН

В интермедиях и клоунадах:

М. Богданов, Л. Куксо, Ю. Никулин,
А. Полозов, Г. Титов, Н. Тямин и
М. Шуйдин.

ВСЕ ВЕЧЕР НА МАНЕЖЕ

КОНСТАНТИН БЕРМАН

Ведут программу А. БУШЕ и С. РУБАНОВ

Мы впервые
в программе
Московского
цирка.